

Айлан Вульф

Лорд и леди
Шервуда

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 5

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Вульф А.

Лорд и леди Шервуда. Том 5 / А. Вульф — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Давно, на заре своей юности, он получил предсказание однажды быть преданным и погибнуть. Предательство уже заступало ему дорогу, и он неизменно одерживал верх. На этот раз от него отступился край, для защиты которого он был рожден. Но его дух не сломен. В тех, кто остался с ним в Шервуде, он уверен как в себе самом. Его жена, его Светлая Дева снова рядом, явившись в лес Вестницей древних богов в преддверии битвы с войском, посланным королем Иоанном...

Содержание

Веардрун	6
Глава шестнадцатая	6
Глава семнадцатая	21
Глава восемнадцатая	39
Глава девятнадцатая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ни уклоняться от битвы нельзя, ни самому искать битвы: тогда и победа будет славнее.
Иоанн Златоуст

Туда приходят и сыновья... Все садятся рядом и ведут разговор, вспоминая свои тайны и беседуя о минувших событиях... И от них-то пойдет столь великое потомство, что заселит оно весь мир... И, верно, покажется тебе чудесным, что солнце породило дочь, не менее прекрасную, чем оно само, и дочь последует путем матери... И если ты станешь расспрашивать дальше, не знаю, откуда ждать тебе ответа, ибо не слыхивал я, чтобы кому-нибудь поведали больше о судьбах мира. Довольствуйся тем, что узнал.

Младшая Эдда

Веардрун

Глава шестнадцатая

Джеффри вместе с теми же двумя ратниками, с которыми задержал Марианну, проводил ее к тому самому месту, где она повстречалась с ними. Обернувшись к товарищам, он приказал им остаться и ждать его, а сам вместе с Марианной поехал дальше – от окраины Шервуда в его чашобы. Они ехали бок о бок в полном молчании, и Марианна, забыв о спутнике, в мыслях вернулась к встрече с Гаем, к нему самому.

Вспоминая все, что произошло, каждое слово, которое они сказали друг другу, облик Гая, она думала о том, что и для него настала пора перемен, и он изменился. Надломленный смертью сына, раздавленный тяжестью вражды, он в то же время вернул себе отблеск тех свойств, благодаря которым он когда-то представлял перед ней в выгодном для него свете. Ничего не забыв ему, не простив его, она тем не менее не могла сейчас отказать Гаю в достоинстве, с которым он держался. Она даже признала за ним подобие благородства, толкнувшего его поступиться давней дружбой с Брайаном де Бэллоном ради нее, Марианны. И она испытывала жалость к нему: несмотря на все беды, что он принес Робину и ей, она все равно жалела его, оплакивавшего сына.

– В то утро весь замок проснулся от его крика. Он кричал, как смертельно раненный зверь, – внезапно сказал Джеффри, повернув голову к Марианне, и она поняла, что он говорит о Гае, словно ему передались ее мысли.

Смущенный ее пристальным взглядом, Джеффри признался:

– Простите, леди Марианна, полог шатра не очень плотный, и я слышал ваш разговор.

Она едва заметно склонила голову, принимая его извинения. Осмелившись, Джеффри твердо сказал:

– Он не такой дурной человек, каким может казаться.

Марианна смерила провожатого удивленным взглядом и усмехнулась с откровенной иронией.

– И все же это так, поверьте! – и Джеффри негромко вздохнул: – Если бы вы приняли его предложение десять лет назад, он не стал бы таким. Ведь рядом с вами в нем открывалось все хорошее, что есть в его душе, а дурное, злое уходило.

Тут уже Марианна не выдержала и звонко расхохоталась. Джеффри бросил на нее укоризненный взгляд и с необычайным жаром воскликнул:

– Если бы вы знали, ваша светлость, как мы все молились тогда о том, чтобы дело между вами сладилось и вы вошли бы в замок сэра Гая госпожой и супругой!

Продолжать смеяться значило бы оскорбить его – такого пылкого в своей искренности, с которой он открыл ей то, о чем она никогда не подозревала. Марианна глубоко вздохнула.

– Джеффри, – сказала она и увидела: он польщен тем, что она назвала его по имени, впервые за все годы, что знала его. – Ты ведь многое видел из того, что случилось между твоим господином и мной. Ты знаешь его лучше меня и не можешь не понимать, что если бы я вышла за него замуж, то поплатилась бы за это слишком скоро!

– Мы все понимали это, зная крутой нрав сэра Гая и ваше свободолюбие, – усмехнулся Джеффри. – Но и слуги, и ратники – все до единого! – поклялись защищать вас от его гнева, так чтобы и вы не пострадали, и его чувства остались не задетыми.

Марианна даже не нашла слов от изумления, которое в ней вызвало это признание. Она представила, сколько бдительных глаз следили бы за каждым шагом Гая и самой Марианны,

чтобы успеть предотвратить ее неосторожный поступок, его вспышку гнева, – и снова едва не рассмеялась. Но лицо и взгляд спутника не располагали к веселью. И, вспомнив теперь все то, что она не смогла простить Гаю, Марианна печально улыбнулась.

– Благодарю тебя за добрые намерения, Джеффри, но кто знает, как бы вы поступили в действительности. Ведь ваша клятва осталась только на словах, а до дела не дошло.

Он прищурился, посмотрел на нее так, словно хотел что-то сказать, но передумал – плотно стиснул губы и покачал головой, отказав в откровенности не ей, а себе.

Еще четверть часа пути неспешной рысью – и Джеффри осадил коня.

– Все, леди Марианна! Дальше я вам не провожатый. Там уже ваши друзья угостят меня десятком стрел, прежде чем я успею их заметить, да и вас по ошибке могут застрелить вместе со мной.

– Тогда возвращайся, – ответила Марианна, не сводя глаз с тропинки, уводившей в глубь леса. – Ты исполнил приказ сэра Гая в точности, как всегда исполнял.

Джеффри вскинул голову, заподозрив в ее словах упрек, а упрекнуть она его могла бы – если не во многом, то в одном поступке с полным правом. Но Марианна, уже не глядя на него, лишь махнула рукой, указывая на обратный путь.

– Храни вас Бог, леди Марианна! – сказал Джеффри и почтительно склонил перед ней голову.

Они одновременно прищипорили лошадей. Джеффри помчался назад, а Марианна въехала под своды высоких деревьев, которые сомкнулись над ее головой зеленым шатром. На маленькой лужайке она остановила коня и, не спешиваясь, переделась в зеленую куртку вольного стрелка. Теперь ей предстояло найти Робина и остальных. Сердце подсказывало, что она найдет их в старом монастыре, который и в прежние годы служил домом лорду Шервуда. Она помнила дорогу к монастырю так отчетливо, словно покинула его только вчера. Ее позабавило воспоминание о том, как она плутала по лесу, когда впервые искала лагерь Робина в Шервуде. Сейчас в ее памяти была каждая тропинка, каждый поворот, но все же следовало заручиться провожатым, чтобы случайно не нарваться на неприятности, если ей повстречаются стрелки, с которыми она окажется незнакома.

Придя к этому решению, Марианна направила верного иноходца по одной из тропинок, которая так или иначе должна была привести ее к дозорному посту, даже если Робин изменил систему охраны леса. Ей пришлось ехать дольше, чем она рассчитывала, и она начала сомневаться в том, что правильно помнила принципы, по которым могли размещаться посты, как вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Оглядываясь по сторонам, Марианна медленно натянула поводья, сдерживая иноходца, – и самое время! Возле передних ног коня в землю вонзилась стрела. Иноходец коротко заржал и вскинулся на дыбы.

– Назови себя! – услышала Марианна громкий отрывистый приказ. – Ты в зеленой куртке, но я не знаю тебя! Кто ты, что делаешь в Шервуде? И помни, что ты под прицелом!

Бесконечная радость затопила ее сердце при звуке этого голоса. Марианна рассмеялась и тряхнула головой, сбрасывая на плечи капюшон.

– Меня ты не узнал, но коня-то мог бы признать!

Ее смех и голос разнеслись во влажном воздухе недалеко, но достаточно, чтобы быть услышанными. Сверху стремительно зашуршала листва, и Марианну сдернули с седла руки Вилла.

– Марианна?! – выдохнул Вилл, глядя на нее так, словно не мог поверить своим глазам.

Она улыбнулась, и его янтарные глаза брызнули улыбкой в ответ, ослепив Марианну медовым сиянием. Не сдержавшись, Вилл припал к ее губам быстрым поцелуем, подхватил на руки и закружил, смеясь и повторяя ее имя:

– Марианна!

– Вилл, ты с ума сошел! – сердито воскликнула Марианна, пытаясь вырваться из его сильных рук, но ее глаза сияли радостным серебристым светом. – Немедленно поставь меня на ноги!

– С ума я сошел давно, – с озорством ответил Вилл, – а сейчас я только рад видеть тебя! Бесконечно рад! Да если бы ты знала, как мы все ждали тебя! Убедись сама!

Он громко свистнул, и с дерева прыгнул Бранд. Увидев Марианну, он радостно ахнул, бесцеремонно вырвал ее из объятий Вилла и прижал к своей груди с такой силой, что Марианна сдавленно пискнула.

– Наша леди наконец-то вернулась! – крикнул Бранд так, словно сообщал эту новость всему Шервуду. – Как же все будут счастливы твоему возвращению, Марианна! А Робин убьет тебя, как только увидит!

Все это он выпалил на одном дыхании, и Вилл расхохотался, увидев, как брови Марианны подпрыгнули вверх.

– Ничего, Мэриан, мы все падем ниц перед Робинем, чтобы он помиловал тебя! Бранд, возвращайся на пост, а я отвезу нашу леди домой.

Бранд неохотно забрался обратно на дерево. Вилл посадил Марианну в седло и свистом подозвал Эмбера, который тут же выбежал к хозяину из густых ореховых зарослей. Они недолго ехали рысью по тропинке бок о бок, пока Вилл не попросил Марианну:

– Позволь, я повезу тебя сам!

Едва она успела ответить, как он подхватил ее с седла и усадил на Эмбера перед собой. Марианна прислонилась спиной к груди Вилла и позволила себе откинуть голову ему на плечо. Ей стало хорошо и спокойно, словно время остановилось и мир вокруг тоже замер в благой тишине, нарушаемой только птичьим щебетом.

Отдыхая душой и телом, Марианна из-под ресниц смотрела на небо, украшенное кружевами зеленых ветвей, как вдруг поймала мгновенный взгляд Вилла. Он тут же отвел глаза, но она успела заметить в их глубине тень затаенной печали.

– Что, Вилл? – спросила она и, не услышав ответа, повернула голову так, чтобы увидеть его лицо.

Вилл был очень грустным, словно его не переполняла радость от встречи с Марианной каку-то четверть часа назад.

– Кажется, ты не так уж обрадован, – заметила Марианна.

Встретив ее встревоженный взгляд, Вилл глубоко вздохнул и улыбнулся. Переложив поводья в одну руку, он обнял другой рукой Марианну и бережно прижал к себе.

– Нет, милая, я рад. Сердцем я радуюсь тому, что ты вернулась, а разумом понимаю, что Робин был прав, не взяв тебя с собой в Шервуд. Нам и в начале лета было очень непросто. Ни одной минуты покоя! Но сейчас наше положение изменилось, Марианна, ты даже не знаешь, насколько оно изменилось!

– Ошибаешься, знаю, – ответила Марианна и, успокаивая Вилла, погладила по руке, обнимавшей ее стан. – Все знаю, Вилл. И о войске, которое Иоанн высылает в Ноттингемшир, и о том, что в Шервуде осталось много меньше людей, чем было, когда вы вернулись.

– А если знаешь, то почему не осталась в Веардруне? – спросил Вилл, постаравшись смягчить резкость и голоса, и вопроса.

– Действительно, почему я не забила в какой-нибудь кладовой, где не было бы даже окна, и не заперла накрепко двери! – усмехнулась в ответ Марианна.

Вилл рассмеялся и потерся щекой о висок Марианны.

– Моя милая, храбрая воительница Саксонка! Твоя отвага и стремление быть рядом с нами, когда дела приняли плохой оборот, делают тебе честь! – тихо говорил он. – Но скоро здесь станет тошно даже лесной нечисти, не то что мужчинам. А ты!

Он сокрушенно покачал головой.

– И что, во всем Шервуде царит такое настроение? – спросила Марианна. – Что-то на лице Бранда я не заметила ни уныния, ни отчаяния.

– Нет, конечно, – усмехнулся Вилл. – У всех стрелков боевой дух на высоте и настроение бодрое. Они, как всегда, уверены в Робине и не сомневаются, что он обо всем позаботился, все рассчитал и придумал, каким волшебным образом мы одолеем несметное число ратников, которых Иоанн послал истребить нас.

– А Робин? – тихо произнесла Марианна.

– Улыбчив, собран, стремителен, вездесущ. Он такой, каким его и хотят видеть. Но со мной и с Джоном брат позволяет себе быть самим собой, не скрывая от нас своих мыслей.

– И какие у него мысли?

– А какие они могут быть? – вздохнул Вилл. – Он же воин до мозга костей и прекрасно осознает наше положение. Так что в словах Бранда о том, как он отнесется к твоему появлению в Шервуде, кроется немалая толика здравого смысла. Пока у тебя есть время до встречи с ним, советую тебе продумать все, что ты ему скажешь, объясняя неповиновение его воле.

– Именно повиновение и привело меня в Шервуд, – ответила Марианна и, обернувшись к Виллу, многозначительно добавила: – Повиновение Фрейе.

Вилл поднял бровь и, прищурившись, посмотрел на Марианну долгим взглядом.

– Фрейя! – тихо выдохнул он и покривил губы, словно от боли. – Удачное время она нашла, чтобы напомнить тебе о старом долге! И надо же, я сам когда-то заставил тебя просить ее о помощи!

– У нас не было выбора, – сказала Марианна и снова легла затылком ему на плечо. – Ни у тебя, ни у Робина, ни у меня. Не о чем жалеть, Вилл!

Вместо ответа он крепче сжал ее стан и снова дотронулся губами до ее макушки. Почувствовав, как его дыхание невольно участилось, Марианна слегка напряглась и тут же услышала ровный, немного насмешливый голос Вилла:

– Не обижай меня недоверием, милая! Я ведь говорил тебе: не бойся, ничего и никого не бойся рядом со мной. Даже меня самого.

Марианна расслабилась и погладила Вилла по руке с безмолвной просьбой извинить ее.

– Ты также говорил, чтобы я иной раз держалась от тебя подальше, – рассмеялась она.

– Не в этот раз, – рассмеялся в ответ Вилл и, бросив взгляд по сторонам, прищипорил коня. – Давай-ка поторопимся! Уже смеркается.

Эмбер помчался широким галопом, Колчан в поводу – следом за ним. Больше Вилл и Марианна не разговаривали, лишь отзывались на оклики стрелков, встречавшихся им по дороге. Их провожали громкие возгласы ликования, когда стрелки убеждались в том, что в седле перед Виллом действительно Марианна и что леди Шервуда вернулась в свои истинные владения.

Вот и знакомая поляна перед лагерем, покосившийся от времени навес коновязи: им было некогда подправить его. И, как прежде, широко распахнуты двери, из которых на поляну падал большой квадрат света, маня войти внутрь. На пороге замаячил высокий стройный силуэт.

– Отец? – раздался негромкий оклик.

– Да, сынок! – отозвался Вилл, спрыгнув с коня и подав руку Марианне. – И не один, а с гостем. Робин вернулся?

– Нет, – ответил Дэнис, делая шаг навстречу Виллу, – а гость дорогой? Как в старые добрые времена?

– Дороже и быть не может! – с ласковой усмешкой сказал Вилл и подтолкнул Марианну к дверям трапезной, забрав у нее тяжелые седельные сумки.

Марианна вступила в полосу света, падавшего на траву из дверей, и Дэнис, увидев, кто перед ним, застыл как вкопанный.

– Леди Мэри! – выдохнул он и, бросившись к Марианне, порывисто стиснул ее в объятиях. – Леди Мэри! Неужели это и вправду ты?!

– Я, Дэн! – смеясь, ответила Марианна, барахтаясь в объятиях юноши. – А ты сейчас раздавишь меня!

Окинув Дэниса взглядом, она удивленно присвистнула:

– Как же ты возмужал, малыш!

– А ты все та же! – рассмеялся Дэнис, отпуская Марианну. – Прекрасна, как королева, одета в мужской наряд и свистишь, как мальчишка!

Замедлив шаг на пороге трапезной, Марианна еще раз посмотрела на Дэниса. Он и год назад был ростом с Вилла, но теперь еще и раздался в плечах. Его руки, темневшие загаром из-под завернутых до локтей рукавов рубашки, были руками взрослого мужчины, а не юноши, каким Марианна его помнила. Не удержавшись, Марианна провела пальцами по плечу Дэниса, а он вдобавок напряг мускулы, хвастаясь перед ней своей силой. Черты его лица приобрели еще большее сходство с Виллом, только в живом и подвижном лице сына не было и намека на сдержанность, присущую отцу. Янтарные глаза Дэниса искрились лукавой усмешкой, и весь его облик свидетельствовал о том, что жизнь в Шервуде была ему не в тягость, а в удовольствие, и немалое. Но в то же время его движения, взгляд исполнились уверенности и ощущением спокойной силы, отличавшими облик и его отца, и крестного. Дэнис стал воином.

Поймав взгляд Марианны, он шаловливо улыбнулся.

– Со спины меня часто принимают за отца, – сказал он и, понизив голос, шепнул: – Ты уверена в том, что не поспешила распорядиться своим сердцем, леди Мэри? Может быть, тебе стоило подождать чуть меньше десяти лет?

В ответ Дэнис немедленно получил легкий подзатыльник от Вилла и, расхохотавшись, взял Марианну за руку и стремительным шагом провел ее на середину трапезной.

– Посмотрите, кто к нам приехал! – объявил он. – Теперь старый Шервуд непобедим, раз в него вернулась Саксонка! Наша леди Шервуда!

Несколько секунд тишины – и стены трапезной сотряслись от радостных криков. Марианна, смеясь, переходила из объятий в объятия. Ее глаза невольно заблестели от светлых слез при виде стольких знакомых лиц. Джон даже подкинул ее вверх, словно она была маленькой девочкой. Эллен, Кэтрин и Мартина сомкнулись вокруг нее, наперебой целуя Марианну.

– Вот только что скажет Робин? – раздался над щебечущим женским кружком полный сомнения голос Джона.

– А что Робин? Посердится немного и перестанет! – тут же откликнулась Кэтрин, подавляя звонким уверенным голосом сомнения мужа. – Он ведь тоже по ней соскучился!

– Надеюсь, что достаточно сильно, – кашлянул в кулак Джон.

– Пойдем, пойдем! – заторопила Кэтрин Марианну. – Тебе надо помыться с дороги и переодеться, а времени до приезда Робина осталось не так уж много.

Она увлекла Марианну за собой. В комнате, которую Робин в прежние годы делил с Марианной, царила чистота, наведенная не знающими устали руками Кэтрин, но больше не было ни намека на тот особый уют, который могло создать только женское присутствие. В воздухе стоял сильный запах вереска и можжевельника, устилавших пол. Камин был чисто выметен и пуст, таким же пустым был стол, кровать застелена покрывалом из черного сукна.

– Он здесь и не живет-то, Мэриан, – вздохнула Кэтрин. – Только ночует, да и то не каждую ночь. Все время на ногах! Смотрю на него и поражаюсь: откуда у Робина столько сил?

Сложив в углу сумки с вещами и лекарствами, Марианна сняла плащ, пояс с оружием положила на скамью у стены, колчан с луком и стрелами привычно повесила на вбитый в стену крюк. Достав из сумки гребень, туфли и сверток с дарами Фрейи, она пошла в купальню, где Кэтрин уже наполнила для нее одну из ванн теплой водой, щедро плеснув в воду туда лавандового масла. У нее был даже ромашковый отвар наготове, чтобы сполоснуть волосы Марианны!

Погрузившись в воду до подбородка, Марианна вверила себя заботам Кэтрин. Та же проворно взбивала мыльную пену на волосах Марианны и говорила без умолку. Слушая подругу, Марианна поняла, что Вилл ошибался, считая, что только Робин, Джон и он сам знают о действительном положении дел Шервуда. Во всяком случае, в отношении Кэтрин он точно заблуждался: у Джона по-прежнему не было тайн от жены.

– Что же будет, Мэриан? – с отчаянием шептала Кэтрин. – Скоро придут войска короля, а нас так мало в сравнении с ними! Неужели все погибнут?! Женщин-то Робин собираются отправить в безопасное место, где ратники нас не достанут. Но мужчины! Они же полягут все до единого!

– Нет, – тихо, но твердо сказала Марианна, положив ладонь поверх руки Кэтрин.

Та посмотрела на нее полными слез глазами и увидела в глазах Марианны такую уверенность, что слезы понемногу высохли и Кэтрин робко улыбнулась, почувствовав в сердце росток надежды.

Она помогла Марианне не только вымыться, но и расчесала ее волосы, и просушила их у огня. Она хотела помочь и с одеждой, но Марианна, помня наказ Фрейи, мягко, но непреклонно выпроводила Кэтрин из купальни.

В трапезную Марианна вышла в длинном плаще поверх платья. Не уложенные в косы волосы светлым водопадом струились по плечам и спине, прижатые на голове тонким золотым обручем. Плащ был наглухо застегнут у самой шеи и ниспадал до пола, открывая руки Марианны, обнаженные от плеч до запястий и высвобожденные из-под плаща в боковые прорезы, но не позволяя увидеть даже краешек платья. Вилл окинул Марианну взглядом и поинтересовался:

– Под этим плащом скрывается какой-то особенно ослепительный наряд? И ты хочешь сразить им Робина?

– Именно, – мельком улыбнулась ему Марианна и обернулась к дверям трапезной.

Ее глаза были прикованы к ним, и Вилл, почувствовав ее напряжение, успокаивающим жестом положил ладонь на плечо Марианны.

– Не волнуйся так! – негромко сказал он – Не убьет же он тебя, в самом деле!

– Весь Шервуд попросит Робина сменить гнев на милость! – пророкотал над ухом Марианны бас Джона.

– Вы думаете, он уже знает, что я здесь? – спросила Марианна, не отрывая глаз от распахнутых дверей.

– Даже не сомневайся! – рассмеялся Вилл. – Весть о твоём возвращении в Шервуд разлетелась, как лесной пожар. Будем надеяться, что по пути домой Робину хватит времени справиться с гневом на тебя!

Только он это сказал, как снаружи послышались приближающийся топот копыт и звонкое ржание, по которому Марианна узнала Воина. Вороной увидел гнедого Колчана и не смог удержаться и не бросить вызов давнему сопернику. Одна краткое мгновение – и в трапезную стремительным шагом вошел Робин. Мгновенно отыскав взглядом Марианну, он убедился в том, что глаза его не обманывают – это и в самом деле она, и крепко сжал губы. Марианна встретила взгляд Робина и поняла, что очень ошибалась, посчитав, что ей довелось ранее видеть мужа в состоянии наивысшей степени гнева.

В сузившихся глазах лорда Шервуда полыхнули такие молнии, что Джон, поперхнувшись, кашлянул, и даже ладонь Вилла, остававшаяся на плече Марианны, едва заметно дрогнула. Не спуская глаз с Марианны, Робин медленно сложил руки на груди, и от этого, казалось бы, простого движения повеяло такой угрозой, что все стрелки, что были в трапезной, невольно замолчали. Их взгляды скрестились на лорде Шервуда, и кто-то робко сказал:

– Не сердись на нашу леди, Робин!

Он ничего не ответил, лишь по его губам пробежала очень недобрая улыбка. Марианна в ответ вскинула голову, подняла руку к застежке плаща и повела плечами. Плащ соскользнул с нее, упав на руку Вилла, и Марианна осталась в ослепительно белоснежном платье без рукавов. Она молча вышла на середину трапезной и остановилась перед Робинотом. В свете огня, пылавшего в очаге, ее платье, обруч на голове, волны светлых волос засияли, окутав всю фигуру Марианны солнечным ореолом.

– Вестница! – прорезал тишину ликующий возглас Эдгара. – Прекрасная и грозная Фрейя прислала нам свою вестницу!

– И она в белом убранстве! – подхватил его рокошующий бас Джона. – Значит, боги даруют нам победу в сражении!

Тишина разлетелась на осколки от торжествующих криков стрелков. Марианна молчала, продолжая пристально смотреть на Робина, и его лицо немного смягчилось. Помедлив, он вынул из ножен Элбион и, держа его на ладонях плашмя, протянул меч Марианне. Она возложила на клинок ладони, и сталь вспыхнула ослепляющим небесным огнем.

– Прими меч, который благословили боги, Воин Одина! – сказала Марианна, отнимая руки от Элбиона. – И сам прими дарованное тебе благословление богов и весть, которую они послали со мной!

Лорд Шервуда на миг склонил голову, убрал меч обратно в ножны и вновь посмотрел на Марианну.

– Посланница Фрейи, прими и ты мою благодарность за добрые вести, что принесла мне и моим воинам! – ответил он, и его слова были подхвачены стрелками, которые вскинули мечи в приветственном салюте.

– Слава нашей леди! – грянуло, как из единой груди, и ударилось о своды трапезной.

Робин улыбнулся – теперь уже без малейшего намека на гнев – и подал Марианне руку. Вместе с ней он подошел к Кэтрин и сказал обыденно и немного устало:

– Накрывай столы к ужину, мой дружок!

Заметив, как бледна Кэтрин, что только огромные агатовые глаза и видны на ее лице, Робин встревожился:

– Что с тобой? Тебя кто-то напугал?

– Ты! – ответил за жену Джон и, поймав удивленный взгляд Робина, покрутил головой: – Так нельзя, Робин! Ты испугал не только Кэт, но и всех нас!

– Да, братец! – с усмешкой подтвердил слова Джона Вилл. – Когда ты смотрел на Марианну, я подумал, что ты вот-вот испепелишь ее взглядом! Признаюсь, я тоже испугался за нее.

Робин насмешливо фыркнул и посмотрел на Марианну.

– И только моя леди осталась, как всегда, бесстрашной! – сказал он с едва различимой ласковой ноткой. – Пойдем, Мэри, поговорим без свидетелей.

– Надеюсь, разговор будет мирным? – нахмурился Джон, а Вилл, напротив, широко улыбнулся и одновременно с Джоном спросил:

– Вас ждать к ужину?

– Непременно! – ответил Робин сразу на два вопроса.

Рука об руку Робин и Марианна пошли в комнату Робина, которая снова стала приютом для них обоих. Ни он ни она не сказали друг другу ни слова, но Марианна не ощущала

в молчании тягостности: ей было хорошо и легко идти рядом с ним, чувствовать ладонью тепло его пальцев, виском – тепло его дыхания. Войдя в комнату, Робин улыбнулся и, когда Марианна вопросительно посмотрела на него, сказал:

– Давно ли ты вернулась, и вот уже все здесь дышит тобой. Даже воздух напоен ароматом ромашкового отвара и запахом имбирного стебля!

Он снял с себя оружие, она подала ему чистую одежду и полотенце. Он посмотрел на нее и спросил:

– Поможешь мне?

– Конечно, – ответила Марианна. – Иди, я только переоденусь и приду к тебе.

Он ушел, она сменила одежды вестницы на простое платье из светлого льняного полотна и поспешила следом за ним в купальню. Он уже сидел в ванне, положив на ее края руки, откинув голову и закрыв глаза. Она окатила водой его волосы и принялась намыливать их.

– Устал, Робин? – тихо спросила Марианна.

Он усмехнулся и после недолгого молчания ответил:

– Очень! Особенно много сил отнимало понимание обреченности в предстоящем сражении и уверенность остальных, что я сумею найти выход. Фрейя прислала тебя очень вовремя. Как ты воодушевила весь Шервуд одним лишь своим появлением! А то, что ты явилась победной вестницей, стало для всех просто неоценимым даром.

Она промыла его волосы чистой водой и принялась тереть жесткой мочалкой его шею, плечи, руки и грудь.

– Улыбнись, милый! – попросила Марианна. – А то я подумаю, что ты все еще сердишься на меня!

Он посмотрел на нее из-под ресниц и, склонив голову, поцеловал ее тонкое запястье.

– Уже нет. Хотя, когда дозорные сказали мне!.. – Робин с легкой усмешкой покачал головой. – Я дал себе слово в том, что на этот раз не втяну тебя сам и не позволю тебе втянуться в эту войну. И вдруг узнаю, что ты в Шервуде! Дозорные ликуют, я еду домой, и весь мой путь сопровождает такое же ликование. А меня всю дорогу до дома лихорадило от ярости на твое послушание. Если бы ты еще хоть минуту помедлила, прежде чем сбросить плащ, я бы не ручался за себя!

Он возмущенно хмыкнул, словно тень бывшего гнева на Марианну вновь пронеслась над ним и коснулась его крылом.

– Фрейя нашла удачное время взыскать с тебя старый долг! – сказал Робин. – Удачное для тебя! Я не хотел брать тебя в Шервуд, а теперь вынужден смириться! Легко было отдаваться, Марианна?

– Нет, – ответила она, глядя ему в глаза. – Это правда, что мое сердце рвалось сюда, к тебе. Но оставить дочерей, даже под опеку Реджинальда и присмотр леди Маред, было очень тяжело.

Он был готов идти в трапезную, но не спешил, стоя перед Марианной и изучая ее задумчивым и грустным взглядом.

– Ладно! Будь что будет, но расставаться больше не станем, – наконец глубоко вздохнул Робин и, притянув Марианну к себе, поцеловал в лоб. – Добро пожаловать домой, моя леди!

Она прильнула к нему. Ее взгляд упал на ямку между его ключицами – там еще дрожала и переливалась капелька воды, – и Марианна, не удержавшись, дотронулась губами и поймала эту капельку. По его рукам, обнимавшим ее, пробежала едва заметная дрожь, и он сказал так, что она наконец услышала добрую и бесконечно любимую ею улыбку в его голосе:

– Мэри, не соблазняй меня! Ведь я обещал, что мы выйдем к ужину и вместе со всеми сядем за стол!

Но, не устояв перед нежным трепетом ее тонкого тела, прильнувшего к нему каждой своей частицей, Робин склонил голову и поцеловал Марианну таким долгим поцелуем, что он мог бы длиться бесконечно.

– Наконец-то! – прошептала Марианна, когда поцелуй оборвался. – Я уже отчаялась дожидаться!

– Я долго раздумывал, милая! Все-таки вестница самой Фрейи! Да можно ли тебя вообще целовать?

Вместо ответа она обвила руками его шею и сама прижалась губами к его губам.

– Я не вовремя! – услышали они насмешливый голос Вилла. – Или, напротив, в самое время! Жаркое стынет, все ждут вас, но мало кто верит, что вы придете в трапезную!

– А ты решил убедиться собственными глазами, стоит нас ждать или нет? – рассмеялся Робин, отрываясь от губ Марианны, и обернулся к Виллу: – Я ведь обещал, и мы идем.

Втроем они вышли в трапезную, и Робин невольно усмехнулся, заметив, что стрелки расселись за столами, но никто из них не притронулся ни к еде, ни к вину. Все в одинаковом напряжении смотрели на коридор, ожидая, что решит лорд Шервуда в отношении Марианны и как поступит с ней. И когда они наконец появились, по улыбке Робина, по его руке, приобнявшей Марианну за плечи, все поняли, что он не станет ее отсылать. И тогда в трапезной грянул громкий возглас:

– Честь и слава лорду и леди Шервуда!

Зазвенели кубки, руки потянулись к блюдам за хлебом и кусками жареного мяса. Оживление, охватившее стрелков, так напомнило о прежней жизни в Шервуде, что все прониклись ощущением того, что впереди долгая череда дней, недель и лет. И предстоящее со дня на день сражение с королевскими ратниками отодвинулась так далеко, словно его вообще могло не быть. А если оно и случится, то стрелки не сомневались в победе: их возглавлял Робин, рядом с ним была Марианна, так кто мог бы одержать верх над вольным Шервудом?

– Через несколько дней наступит конец августа, – сказал Робин, и его слова были услышаны всеми. – Нет никаких причин для того, чтобы мы нарушили давнюю традицию и не объявили праздник.

Его предложение было подхвачено одобрительным гулом. Все возвращалось, и Шервуд, как в прежние годы, снова простится с уходящим летом.

– Милые наши дамы, вас мало, – сказал Робин, посмотрев на Марианну, Кэтрин, Эллен и Мартину. – Но оставшихся дней вам хватит, чтобы достойно подготовиться к празднику. Отец Тук обещал приехать и привезти вино. Мы настреляем вам дичи к столу. И пусть на нем будут только мясо, хлеб и вино – нам вполне хватит этой скромной трапезы, чтобы праздник получился на славу.

– Вы только настреляйте дичи, а мы уж сумеем так приготовить ее, чтобы вы не пожаловались на однообразие! – с жаром пообещала Кэтрин, прямо сейчас прикидывая в уме, какое мясо чем приправить: что – ягодами можжевельника, что – орехами, что – пряными травами.

Стрелки еще оставались за столами, когда Робин уже рассылал дозорных и отдавал указания на предстоящую ночь. Марианна в это время вместе с Эллен выкладывала на блюдо нарезанные ломти только что поджаренной оленины. Почувствовав на себе взгляд Робина, она оглянулась на него и, улыбнувшись, сама того не заметила, как поставила блюдо мимо стола.

– Мэриан! – ахнула Кэтрин, торопясь собрать осколки и куски оленины.

Робин расхохотался и, не дав Марианне опомниться, подхватил ее на руки.

– Отправляйтесь уже! – фыркнула Эллен. – Я давно все для вас приготовила!

Не отпуская Марианну с рук, Робин стремительно вышел из трапезной, свистом подзывал Воина и сел в седло, усадив Марианну перед собой.

Он вез ее так же, как днем Вилл, – обнимая одной рукой за стан и прижимая к груди, то и дело дотрагиваясь поцелуями до ее макушки. Но если с Виллом Марианна испытывала радость, то сейчас, рядом с Робин, ее охватило чувство беспредельного счастья. Слыша стук сердца Робина, чувствуя на виске тепло его дыхания, она могла так ехать с ним бесконечно, не думая ни о чем, лишь бы он оставался рядом.

Но тропинка довольно быстро привела их к дому Эллен. Марианна подождала, пока Робин расседлает Воина, и, вложив руку в его ладонь, вместе с ним вошла в дом. Переступив порог, они посмотрели по сторонам, потом друг на друга и улыбнулись.

– И когда она только успела? – с веселым удивлением спросила Марианна.

– Успела! Наверное, тоже боялась, что я немедленно выдворю тебя из Шервуда, и решила сделать все, чтобы этого не произошло, – рассмеялся Робин.

Приглушенный свет огня, догоравшего в очаге, осветил кровать, застеленную чистыми простынями, стол, на котором стояли два кубка, кувшин с вином и глиняное блюдо с крупными ягодами. Глядя на них, Марианна прошептала:

– Хочешь первой в этом году земляники?

– Ты тоже вспомнила? – Робин улыбнулся и обнял Марианну, сомкнув руки на ее груди. – На этот раз она не первая, а, наверное, последняя в этом году.

Поцеловав ее в макушку, он выпустил Марианну из объятий, чтобы снять с себя оружие. Марианна подложила дров в очаг, и огонь занялся с новой силой. Робин перенес к очагу кубки, кувшин и блюдо с земляникой и расставил все на полу. Сняв с себя куртку и сапоги, он сел возле очага, привалившись спиной к стене, и Марианна устроилась рядом с ним. Она разлила вино по кубкам и подала один Робину. Он обнял ее за плечи, привлекая к себе, и она уютно устроилась головой у него на груди.

– Расскажи мне о Гвен и Лу, – попросил Робин.

Марианна стала рассказывать о дочерях, стараясь не упустить ни одной милой мелочи, связанной с девочками, понимая, что ему дорого каждое слово, любое ее воспоминание о Гвендолен и Луизе. Когда она умолкла, Робин глубоко вздохнул и, закрыв глаза, печально улыбнулся.

– Хотел бы я знать, какое чудо должно свершиться, чтобы мы одолели ратников, превосходящих нас числом в несколько раз! – тихо сказал он.

– Может быть, чудо заключается в том, что Иоанн поручил командовать ратниками не Гаю, а Брайану де Бэллону? – предположила Марианна.

– И ты думаешь, что даже при этом условии Гай отойдет в сторону? – усмехнулся Робин.

– Мне показалось, что его намерения именно таковы, – ответила Марианна.

Его рука, обнимавшая плечи Марианны, вздрогнула и напряглась. Движением ладони Робин резко поднял ее подбородок, заставив Марианну вскинуть голову, и посмотрел ей в лицо потемневшими от тревоги глазами.

– Как ты сумела узнать о его намерениях?!

Марианна рассказала ему о встрече с Гаем, о разговоре с ним, рассказала, как он обошелся с Бэллоном, и передала просьбу Гая о поединке.

– Вот как! – усмехнулся Робин и задумчиво прищурил глаза. – Значит, Гай наконец обрел долгожданную свободу, если отважился на подобную просьбу.

– Свободу? – удивленно переспросила Марианна.

Глубоко вздохнув, Робин сказал:

– Помнишь, ты когда-то говорила мне, как отец Тук пытался отвести тебя в сторону, как можно дальше от мыслей о свободе?

– Да. Он сказал, что свобода приобретается ценой страданий, которые под силу не всякому человеку.

– В этом он был полностью прав, милая.

– И Гай?..

– Сам провел себя через ад, в котором испил полную чашу страданий. Не имеет значения то, что свою чашу он сам же себе и наполнил. Итог все равно один, с одной лишь разницей: свобода Гая заключается в его освобождении от себя прежнего.

– Ты выполнишь его просьбу? – спросила Марианна, и Робин после долгого молчания ответил, думая вслух:

– Посмотрим, как будут разворачиваться события и какое участие в них примет Гай. Я ведь мог и ошибиться, подумав о нем так, как сейчас говорил тебе.

Марианна повернулась, чтобы сидеть не спиной к Робину, а лицом, и внимательно посмотрела на него. Заметив ее взгляд, он вопросительно изогнул бровь, и она с нежной и грустной улыбкой сказала:

– А ты изменился, милый, с тех пор как мы виделись в Долвиделане.

Он понял, что она подразумевала, и улыбнулся в ответ. Вскинув руку, Робин провел по ее лицу кончиками пальцев, словно на ощупь знакомился заново с каждой любимой чертой.

– Я забыл тебя, – тихо сказал он. – До Уэльса я помнил тебя всю: твоё лицо, твоё тело, голос, запах твоих волос. Помнил и томился по тебе. А за два с половиной месяца в Шервуде я забыл тебя – не сердцем, а телом. Забыл так сильно, что теперь приходится вспоминать, привыкая, что ты снова рядом со мной.

– Забыл потому, что стремился забыть! – с тенью возмущения в голосе воскликнула Марианна. – Покинул Долвиделан, подарив мне пусть малую, но все же надежду на встречу, а сам уехал, уверенный в том, что больше не вернешься ко мне.

Ее серебристые глаза смотрели на него с нескрываемым упреком. Он улыбнулся и, не ответив, сжал ладонями ее плечи, притянул к себе и закрыл ее губы своими губами. Ее ладони скользнули вверх по его бокам, стягивая с него рубашку, и он, оборвав поцелуй, сбросил ее с себя сам и снова привлек Марианну к себе. Его глаза потемнели, дыхание участилось, и она поняла, что не только душой и сердцем, но кровью и плотью он снова по-прежнему принадлежит ей одной. Марианна заметила на его предплечье недавний, только что заживший порез клинком, и осторожно провела по нему ладонью.

– Царапина! – поймав ее вопросительный взгляд, рассмеялся Робин, в точности повторив интонации Вилла, когда тот отмахивался от перевязки.

Марианна тихо рассмеялась в ответ и прерывисто вздохнула, когда Робин уложил ее на теплые шкуры, застилавшие пол, и накрыл своим телом.

– А как же постель, столь заботливо приготовленная Эллен? – прошептала она, замирая под его тяжестью.

– Дойдет черед и до постели, – шепнул в ответ Робин, расстегивая платье на груди Марианны. – Ночь только началась, да и утром мы можем не торопиться с возвращением.

Вспоминая о том, как Робин, ни от кого не таясь, подхватил Марианну на руки и увез ее в ночь, – а стрелки были готовы только что не рукоплескать им вслед, – Мартина вздохнула с глубокой грустью, жалея саму себя. Когда-то и ее Робин так же вскидывал на руки, и она, как и Марианна сегодня, нежно обвивала руками его шею. Но она сама убила в сердце Робина любовь к ней. Мартин... Он тоже поначалу любил носить ее на руках. Но она хмурилась и старалась выскользнуть из его объятий. И он перестал докучать ей. Он был гордым, Мартин. Страдал от ее холодности молча, стиснув зубы, и любовь к ней тоже ушла из его сердца – капля за каплей. В последний год своей жизни он приезжал, только чтобы поведать дочерей.

Мартина медленно провела ладонью по лбу, прогоняя ненужные сожаления. Как сложилась жизнь, так и сложилась. Вокруг царил веселье, ужин, несмотря на отъезд Робина и Марианны, продолжался, и Мартина сначала принужденно улыбнулась какой-то шутке

Алана, потом общая радость заразила и ее. Она уже смеялась от души, легко и проворно помогала Кэтрин наполнять опустевшие блюда мясом и хлебом, разливала по кубкам вино, как вдруг увидела, что за столом опустели не только места Робина и Марианны, но и еще одно место рядом.

Незаметно ускользнув из трапезной, Мартина дошла до комнаты Вилла и, деликатно постучав, но не услышав ответа, заглянула внутрь. В комнате никого не было. Тогда она пошла в купальню и, приоткрыв дверь, печально усмехнулась. Вилл сидел на плаще, расстеленном на полу, сжимая в руке кубок, и пристально смотрел вглубь пламени, ярко горевшего в очаге. Услышав шаги и шелест платья, он обернулся, увидел Мартину и рассмеялся.

– Я смотрю, прошлое возвращается со стремительной быстротой! И ты, как в прежние времена, пришла сюда, чтобы в одиночестве выплакаться всласть?

– Нет, – покачала головой Мартина.

– Зачем же ты пришла?

– Знала, что найду здесь тебя.

– Даже так? – усмехнулся Вилл. – И решила, что твое общество скрасит мое уединение?

Глядя в его бесстрастные глаза, в янтаре которых отражались отблески огня, Мартина пожала плечами:

– Я могу уйти.

Вилл внимательно посмотрел на нее и глубоко вздохнул:

– Оставайся. Кубок у меня один, но я готов поделиться с тобой вином.

Расправив плащ так, чтобы места на нем хватило для двоих, Вилл схватил Мартину за запястье и потянул к себе. Она села рядом с ним, приняла у него кубок, сделала глоток и протянула обратно. Он допил остатки вина, снова наполнил кубок и подал его Мартине.

– Тебя так взволновало ее неожиданное появление? – тихо спросила Мартина.

– Ну почему же неожиданное! – улыбнулся Вилл с необыкновенной нежностью. – Мы все ждали ее с нетерпением, знали, что она обязательно придет в Шервуд, несмотря на запрет Робина. И он сам ждал ее, наверное, больше нас всех. Без нее Шервуд был не тем, а сейчас я даже чувствую довольство и умиротворение леса присутствием своей госпожи.

– Тогда почему ты здесь, а не в трапезной вместе со всеми?

Вилл посмотрел на Мартину, и она увидела глубокую грусть в его глазах.

– Значит, за все эти годы для тебя ничего не изменилось? – спросила она.

– А почему для меня должно было что-то меняться? – снова улыбнулся он. – Постоянство, наверное, моя главная добродетель, Марти.

– А как же Тиль? – напомнила она с легким укором.

Вилл высоко поднял голову и глубоко вздохнул.

– А что Тиль? Она не может на меня пожаловаться. Я ни разу не дал ей ни малейшего повода усомниться во мне. И когда вернусь к ней, все у нас пойдет по-прежнему. Я бесконечно благодарен ей за любовь, которую она питает ко мне, и тоже люблю ее. Не так, как Марианну, иначе, но я люблю Тиль.

– Разве такое возможно? – удивилась Мартина.

– Возможно! – рассмеялся Вилл. – В моем сердце хватает места для всех! Какой-то его частью я люблю и тебя, Марти.

Она вспыхнула румянцем, как юная девушка, и потупила глаза. Вилл мягко взял ее за подбородок и приподнял лицо Мартины так, чтобы ее изумрудные глаза оказались напротив его глаз.

– А кого любишь ты, Марти? – спросил он, глядя на нее с обычной для него ироничной усмешкой.

– Дочерей, – сказала она и улыбнулась Виллу в ответ. – Помнишь, ты говорил мне, что нет смысла в страданиях о невозможном? Я долго думала над твоими словами и поняла, что ты был прав.

– И за все эти годы ты не встретила никого, чтобы устроить собственную жизнь? – недоверчиво нахмурился Вилл. – Никогда не поверю, что ты не получила ни одного предложения выйти замуж!

– Получала, конечно, – равнодушно пожала плечами Мартина, – но я сочла свою жизнь вполне устроенной и не чувствовала себя одинокой.

Вилл посмотрел на нее с сожалением:

– Пока тебе не одиноко, Марти! Но только пока. Дочери выйдут замуж, и тогда ты пожалеешь, что сама обрекла себя на вдовство.

– Ну, когда это еще будет! – беспечно рассмеялась Мартина.

– Не так уж нескоро, как тебе кажется. Старшая по годам почти невеста, да и младшая наступает сестре на пятки!

Мартина долго смотрела на Вилла, покусывая губы в нерешительности. Заметив ее внезапную растерянность, Вилл вопросительно поднял бровь.

– Нет, моей младшей дочери нет еще девяти лет, – наконец решившись, сказала Мартина.

Взгляд Вилла изменился, стал острым и жестким, его пальцы больно стиснули ее подбородок.

– Сколько у тебя дочерей, Марти? – резко спросил он.

– Три, – ответила Мартина, понимая, что сейчас на нее может обрушиться сокрушительный гнев Вилла.

– Когда родилась третья?

– В пятый день ноября, – сказала она и по его прищуренным глазам поняла, что он мгновенно сосчитал все сроки.

– И все эти годы ты молчала! – гневно сказал Вилл, оттолкнув Мартину от себя. – Почему?!

Она посмотрела на него так, что по ее взгляду он понял без всяких слов: она не хотела тревожить его. Вилл рассмеялся недобрым смехом, но его гнев на Мартину сразу остыл. До сих пор оберегать чей-то покой было его привычным занятием, и вдруг он обнаружил, что кто-то годами в молчании хранил его собственный покой, – и это была Мартина, которую он меньше всего мог заподозрить в подобной заботливости, – и именно о нем. Смягчившись, он попросил:

– Расскажи мне о ней. Какая она?

– Она... – и Мартина, вызвав в памяти облик младшей дочери, улыбнулась с гордостью и любовью. – Она очень добрая, веселая, никогда не плачет. Она – как солнышко, все освещает своей улыбкой. Большая умница: умеет читать, пишет, знает латынь, бегло говорит на французском. Уже сейчас она очень хорошенькая, а вырастет настоящей красавицей!

– Есть в кого! – усмехнулся Вилл, выразительно посмотрев на Мартину, но та рассмеялась и покачала головой, отрицая собственную заслугу в красоте младшей дочери.

– Она настолько твоя дочь, что в ней с первого взгляда видна кровь Рочестеров!

– И Реджинальд с Клэр, конечно, знают, что она – моя дочь. А Робин? – Вилл глянул на Мартину и, когда та виновато опустила голову, вздохнул: – Всех уговорила молчать! Ты не сказала мне, как назвала нашу дочь.

– Вильямина. В честь тебя, – тихо сказала Мартина, тут же обжегшись о янтарный блеск его глаз.

В наступившем молчании они долго сидели рядом плечом к плечу и пили вино, передавая кубок друг другу.

– Почему же ты отказала мне? – вздохнул Вилл. – Да еще и сбежала! Ты ведь уехала из Шервуда, зная, что беременна, и не сказала мне ни слова!

– Если бы сказала, ты настоял бы на том, чтобы мы обвенчались, – ответила Мартина. – Зная твою волю, я понимала, что не смогу противостоять тебе: ты бы и слушать меня не стал.

– Не пожалела после? – с иронией спросил Вилл.

Она ответила ему спокойным и уверенным взглядом:

– Ни одного дня. Ты ведь ни разу не вспомнил обо мне, ни разу не захотел меня увидеть. Это не упрек, Вилл. Просто я всегда знала, что постоянство – твоя главная добродетель. – Помедлив, она тихо сказала, глядя ему в глаза: – Ты говорил, что прошлое возвращается?

Он пристально посмотрел на нее, улыбнулся и вместо ответа спросил:

– Куда пойдем? К тебе или ко мне?

– Ко мне, – просто ответила она, – ты ведь делишь комнату с Дэнисом.

Он подал ей руку, помогая подняться, и, не разнимая рук, они пошли в комнату Мартины, ни от кого не таясь, хотя по пути им никто и не встретился. В легком молчании, словно были связаны многолетним супружеством, они разделись, легли в постель, и Вилл привлек Мартину к себе. Она хотела вновь попросить его не задумываться о последствиях ночи, которую им выпало провести вместе, но не осмелилась. Однако оказалось, что ее просьба была ненужной: он и не собирался быть осторожным.

– А если?.. – спросила она, глотая воздух опаленными губами, и он, улыбнувшись, шепнул ей в ответ:

– Ты же сама хочешь, чтобы было именно так. А если надумаешь снова рожать, не вздумай скрывать от меня!

– Не скрою, – с улыбкой прошептала Мартина, осыпая поцелуями лицо Вилла. – Ничего больше не стану утаивать от тебя!

Ей стало легко и радостно. Пылко отвечая каждому движению его тела, она льнула к нему, не в силах оторваться, и сожалела только об одном: почему она в первый же день его возвращения в Шервуд не пришла к нему, упустив столько времени, которое могла провести рядом с ним?

– О, какая ты ненасытная! – рассмеялся Вилл, когда они уже просто лежали рядом. – Тебе за все эти годы ни разу не доводилось делить постель с мужчиной?

– Нет, – ответила Мартина, и Вилл, посмотрев ей в глаза, ласково провел ладонью по ее щеке.

– Я польщен, – улыбнулся он и, пригнув ее голову к своему лицу, поцеловал Мартину.

– Но ты тоже замучил меня! – рассмеялась Мартина, возвращая Виллу поцелуй.

– Слишком быстро просишь пощады! У меня за все лето не было женщины. Так что не жалуйся – сама напросилась, – с улыбкой в янтарных глазах предупредил ее Вилл. – Кстати, могла бы и раньше предложить мне вспомнить добрые старые времена.

– Какой же ты наглый и самоуверенный! – притворно рассердилась Мартина и шлепнула Вилла по руке.

Он расхохотался и, отпустив Мартину, лег на спину. Она, покусывая губы, чтобы скрыть улыбку, пристроилась головой у него на плече, и он обнял ее с такой привычностью, словно они и впрямь были супругами и лежать в одной постели с ней было для него самым обыденным делом.

– Можно задать тебе вопрос? – услышал он голос Мартины и, уловив в нем нерешительность, улыбнулся, догадавшись, что ее интересует.

– О Марианне? Что ты хочешь узнать?

– Что в ней такого, что тебя не отпускает столько лет? – спросила Мартина.

Не услышав ответа, она приподнялась на локте и заглянула Виллу в лицо. Он задумчиво смотрел из-под ресниц отрешенным взглядом и, почувствовав на себе настойчивый взгляд Мартины, лишь усмехнулся, но ничего не сказал.

– Конечно, она замечательно красива, – горячо продолжила Мартина.

Ладонь Вилла легла поверх ее губ, заставив Мартину умолкнуть.

– Дело не в ее красоте, Марти, хотя, несомненно, красота Марианны тревожит любого, кто хотя бы раз видел ее, – наконец сказал он, – но ведь она не единственная красавица на свете. Ты, например, очень красивая женщина, не менее чем Марианна, просто у вас с ней разная красота.

– Если дело не в красоте, то в чем? – допытывалась Мартина.

Вилл еле заметно пожал плечами:

– Какого ответа ты ждешь, Марти? Что я перечислю тебе то, что меня влечет к ней? Все, что в ней есть, все, что ее отличает. Ее ум, ее душа, твердость ее духа, слитая с мягкостью ее сердца. Влечет ли она меня телесно? Безусловно, и очень влечет. Что ты пытаешься узнать своими расспросами?

Выслушав его, Мартина подперла рукой голову и, не сводя глаз с Вилла, сказала:

– Скажи, а тебе никогда не приходило в голову, что ты просто мучаешься неутоленной жаждой?

Он скользнул взглядом по ее лицу, очень красивому в обрамлении распущенных черных волос, и отрицательно покачал головой.

– То есть мог ли я хотя бы однажды воспользоваться ее минутной слабостью? Мог, но зачем? Чтобы ради утешения, как ты говоришь, жажды погрузить и ее, и себя в бездну вины и раскаяния? Нет, Марти! – и он глубоко вздохнул. – Я хотел бы не один раз, а всю жизнь засыпать и просыпаться рядом с ней, делить с ней днями досуг и заботы, постель по ночам, радоваться детям, которых она бы рожала мне. Я хотел ее в жены, и никак иначе. Но она любит Робина, она его жена – не моя, поэтому не о чем говорить.

Вилл посмотрел на Мартину уже другим, насмешливым, но ласковым взглядом и едва ощутимым прикосновением очертил кончиками пальцев ее скулы.

– Ты получила то, что желала: я открыл тебе свое сердце. Теперь твой черед исповедоваться! Ты ведь обещала ничего от меня не утаивать? Любить дочерей – это достойно и замечательно, но для матери. А что для женщины? Что для самой себя? Кого ты все-таки любишь, Марти? Ведь любишь кого-нибудь? – рассмеялся он.

Она улыbnулась, склонила голову набок и, глядя ему в глаза, сказала:

– Наглый, самоуверенный, но еще и недогадливый! Тебя. Я давно уже люблю тебя, Вилл!

Ее изумрудные глаза, не отрывавшиеся от его лица, наполнились нежным светом. Вилл взял в ладони лицо Мартины и, приподнявшись, поцеловал ее, прошептал:

– Я все понял, Марти! Просто хотел услышать, как ты скажешь об этом сама.

Все последующие ночи, полные или несколько кратких часов, они провели вместе. Впервые в жизни Мартина чувствовала себя совершенно счастливой. Сделанное признание освободило ее, а благодарность, с которой Вилл принимал изъяснения ее любви, возносила Мартину до небес. Когда он обнимал ее, ей казалось, что во всем мире для него нет других женщин, кроме нее, и она уверилась в том, что сердце Вилла было действительно щедрым. В нем хватало места для всех – и для нее, и она ни разу не почувствовала, что в этом сердце есть кто-то еще. Она поняла, что ошиблась и в нем, и в себе: он сумел бы окутать ее волшебным мороком так, что она, все зная о нем, позабыла бы то, что знала. И когда она осознала это, то впервые пожалела, очень пожалела о том, что отказалась выйти за него замуж, как он ей предлагал.

Глава семнадцатая

Наступил последний августовский день.

С самого раннего утра Марианна, Эллен, Кэтрин и Мартина усердно, не зная усталости, занимались приготовлениями к традиционному прощанию с летом. Робин отрядил нескольких стрелков на охоту, и через пару часов они вернулись с оленьими тушами, которые тут же были освежеваны, натерты солью и пряными травами, и вскоре от разведенных костров потянуло дразнящим аппетит запахом жарящегося мяса.

Щедрое августовское солнце с рассвета одарило Шервуд потоками лучей, которые проливали листья деревьев и зайчиками пятнали траву. День обещал быть чудесным, а гостей должно было собраться очень много, поэтому все столы и скамьи из трапезной вынесли и расставили снаружи на поляне.

Испеченный утром хлеб, масло и сыр, оленина, вареные овощи и яблоки – на этот раз праздничный стол не отличался прежним изобилием. Кэтрин упрашивала Робина отправить охотников еще раз, чтобы те настреляли пернатой дичи, которую можно было нашпиговать разной начинкой и так разнообразить стол. Но Робин велел не затевать долгих приготовлений. Он хотел завершить празднование до сумерек, хотя прежде они засиживались за праздничными столами до глубокой ночи. Чтобы все стрелки смогли побывать на празднике, он установил смену дозоров и патрулей через каждый час.

Приехал отец Тук и привез несколько бочонков вина, посетовав, что их хватит только на то, чтобы гости, собравшиеся на праздник, смогли омочить губы.

– Вот и славно! – с усмешкой сказал Вилл. – Нам сейчас нужны ясные головы и твердые руки.

Увидев Марианну, священник остолбенел и сокрушенно покачал головой. Марианна ответила ему безмятежной улыбкой, и отец Тук, махнув рукой, заключил духовную дочь в объятия и прижал к груди.

Когда все стали рассаживаться, Мартина собралась отправиться к дальнему краю стола, как вдруг поймала взгляд Вилла. Тот указал ей глазами на место рядом с собой.

– Вот как? – фыркнул Дэнис, отодвигаясь в сторону, чтобы Мартина могла сесть между ним и Виллом. – Очень мило! И ты еще выговаривал мне в Париже?

– В чем я никогда не нуждался, так это в твоих нравоучениях, – ответил Вилл.

– Да какие могут быть нравоучения? – не унимался Дэнис, на подвижном лице которого заиграла озорная улыбка. – Мать моей сестры имеет право сидеть за столом рядом с ее отцом!

Вилл бросил на сына быстрый взгляд, а Дэнис с той же улыбкой безмятежно заметил:

– Очаровательная малышка – моя сестренка Вил! Ты влюбишься в нее, когда наконец увидишь!

– Ты-то откуда о ней узнал и когда успел познакомиться? – нахмурился Вилл.

– А я однажды увязался с крестным, когда он навещал Реджинальда и тетюшку Клэр. Тогда и познакомился. Хотел рассказать тебе, но крестный приказал мне держать язык за зубами.

Вилл выразительно посмотрел на Робина, но тот лишь пожал плечами в ответ.

– Прости, брат, но Мартина взяла с меня слово, что я ничего тебе не скажу. Она настаивала на том, что только она вправе рассказать тебе о существовании еще одной твоей дочери. Рад, что она наконец нашла время сделать это.

– Не хмурься, Вилл! – пробасил Джон и потрепал Вилла по плечу. – Твой сын прав: очень красивая и смышленная девочка! Такая дочь делает тебе честь!

Вилл, облокотившись о стол, задумчиво посмотрел в небо и, ни к кому не обращаясь, спросил:

– Интересно, есть еще люди, кроме меня, что не знают о ее существовании?

– Тиль и Эдрик, – рассмеялась Марианна.

– И ты была осведомлена! – понимающе кивнул Вилл.

Праздник начался заздравной песней Алана в честь Шервудского леса, которую менестрель сложил еще в первое пребывание в Шервуде. Потом стрелки потребовали передать лютню Марианне и слушали ее пение до тех пор, пока она не охрипла и не взмолилась о пощаде. Сжалившись над леди Шервуда, Дэнис забрал у нее лютню и решил удивить всех новой песней, которую он недавно сложил, подобрав к словам мелодию.

Я помню дни, когда мой лес не знал
Ни пагубных ветров, ни жалящего зноя.
В ручьях купались травы – врачевал
Мне раны сок их, смешанный с водою.
Стелились тенью над прохладным лугом
Оленей гибкие и стройные тела.
Сменялся ночью день, священным кругом
Неспешно жизнь в лесу моем текла.
А ныне все не так! Иссек родник,
Деревья голые и черные как смоль,
Травой засохшей каждый луг поник,
И на оленьих тропах пыль и соль.
Но дни я помню! Радость этих дней
Неудержима, как в горстях вода,
Но – уходящей – я подвластен ей
И помню лес – каким он был тогда¹.

Эффект оказался не таким, как ожидал Дэнис: стрелки грянули хохотом. Поймав удивленный и обиженный взгляд сына, Вилл, смеясь, покачал головой:

– А чего ты ждал, Дэн?! Ты бы еще заупокойную молитву спел!

Насупившись, Дэнис передал лютню Робину, и тот, посмеиваясь, стал подстраивать ее, успевшую немного разладиться. Когда он запел, смех, вызванный песней Дэниса, стих. Завороженная, как и все, его голосом, Марианна закрыла глаза, и ей показалось, что ни Робин, ни она, ни остальные стрелки никогда не покидали Шервуд. Они были не так молоды, как прежде, подарив Шервуду свою юность, но сам древний лес оставался неизменным. Где-то за его границами собирались войска, готовясь к разгрому вольного воинства, но Шервуд отдаривал своих стражей ощущением вечности и покоя, заставляя забыть о будущем и радоваться настоящему.

Стрелки за столами постоянно менялись: одни приезжали из дозоров и патрулей, спеша сесть за праздничные столы, другие уходили им на смену. Солнце клонилось к закату, когда приехал Дикон. Спрыгнув со взмыленной лошади, он торопливо прошел к столам, но садиться не стал, а пробрался к Робину и, склонившись к его уху, принялся быстро докладывать о новостях. Едва Дикон начал говорить, как лицо Робина стало серьезным и не улыбочивым. Выслушав Дикона до конца, Робин поднялся из-за стола. Шутки и смех тут же смолкли, и стрелки все как один устремили взгляды на лорда Шервуда.

– Дозорные сообщают, что к Шервуду движутся королевские ратники, – сказал Робин.

¹ Стихи автора, если не указано иное (здесь и далее – примечания автора).

С вестью о приближении войска, посланного Иоанном для разгрома вольного Шервуда, праздничный обед завершился. Стрелки окружили Робина и, получив от него указания, стали небольшими отрядами покидать лагерь лорда Шервуда, разъезжаясь в разные стороны и исчезая в лесу. Через полчаса на поляне почти никого не осталось. Слаженные действия стрелков свидетельствовали о том, что вольный Шервуд не застали врасплох.

– Что же теперь? – спросила Марианна у Робина.

Заметив в ее глазах тревогу, Робин улыбнулся и, поцеловав Марианну в лоб, негромко ответил:

– Теперь будем ждать вестей.

Первые разведчики, разосланные во все концы леса, начали возвращаться с полуночи. В трапезной на одном из столов была расстелена подробная карта леса и его окрестностей, и Робин с Виллом, выслушивая сообщения разведчиков, делали на карте пометки. К рассвету, когда прибыл последний из тех, кто был отправлен в разведку, Робин устало бросил перо и окинул взглядом испещренную значками и записями карту.

– Слишком значительный перевес сил не в нашу пользу! – сказал он так спокойно, словно думал над условиями математической задачи, но не о том, что ее решение означает судьбу Шервуда.

– Если судить по тому, где они разбили лагерь, напрашивается только один вывод: королевские ратники берут Шервуд в кольцо, – задумчиво отозвался Вилл, внимательно изучая карту. – Значит, они не собираются встречаться с нами в открытом сражении, а попытаются устроить облаву, как ловчие на охоте.

– Странная затея! – покачал головой Джон. – Сэр Гай не может не понимать, что в такой охоте опасность стать дичью грозит не нам, а королевским ратникам.

– Верно, не может, – согласился Робин. – Это не его план, а, наверное, плод разума Брайана де Бэллона, который до сих пор с нами не сталкивался и не изучил нас так хорошо, как Гай. Похоже, Марианна права: Гай устранился от дел, иначе отговорил бы Бэллона от подобных действий.

Выпрямившись, он обвел глазами командиров отрядов вольных стрелков, которые ждали его приказов.

– Что ж! – усмехнулся Робин. – Если мы сейчас не ошиблись в замысле противника, то такой план нам только на руку. Красные сюрко ратников будут нам отлично видны с самого дальнего расстояния, а вот разглядеть наши зеленые куртки среди листвы практически невозможно. Пользуясь преимуществом, которое нам дают более мощные луки, знание леса и цвет наших курток, мы сможем сильно убавить число ратников и изменить соотношение сил в свою пользу. Пока ратников слишком много, чтобы мы одержали над ними победу в открытом сражении.

Робин вновь разослал разведчиков, приказав наблюдать за лагерями, которые ратники разбили на подступах к Шервуду, и, как только в них начнется малейшее оживление, немедленно слать к нему гонцов.

Гай, как правильно понял Робин, не принимал участия в планах Бэллона, да тот и не посчитал нужным спрашивать его совета. После того как Гай применил к нему силу и позволил Марианне беспрепятственно уехать в Шервуд, отношения между бывшими друзьями стали более чем прохладными. Очнувшись от бессознательного состояния, в которое его поверг удар Гая, и не обнаружив в шатре Марианну, Бэллон набросился на Гая с кулаками, одновременно осыпая упреками. Но Гай мгновенно перехватил руку Бэллона, едва тот попытался ударить его, и стиснул так, что Бэллону после неудачных попыток высвободиться пришлось отказаться от драки.

– Ты просто спятил! – кричал он, захлебываясь слюной и сходя с ума от ярости при виде бесстрастного лица Гая. – Ты помешался на этой сучке, позволил ей уйти и лишил нас самой верной и быстрой возможности заполучить Рочестера!

Гай слушал молча, сохраняя безразличный вид, и упреки Бэллона стихли сами собой. Убедившись, что Бэллон успокоился хотя бы отчасти, Гай ослабил хватку пальцев, и Бэллон наконец высвободил руку. Отойдя в сторону, он принялся расхаживать по шатру, растирая покрасневшее запястье.

– Когда придут королевские войска, я все сделаю сам, как и приказал мне король, – отрывисто сообщил Бэллон. – Даже не пытайся вмешиваться в мое командование и оспаривать приказы, которые я дам ратникам!

Не услышав ни слова в ответ, Бэллон угрожающе посмотрел на Гая, гневно кривя рот. Тот пренебрежительно усмехнулся и пожал плечами.

– Делай, что хочешь, Брайан, – сказал он и не сдержал зевок. – Ты ведь считаешь себя самым умным. Я давно уже подметил, с каким превосходством ты поглядываешь в мою сторону.

Королевские ратники пришли, и следующим днем, слушая приказы, которые Бэллон отдавал старшим ратникам, Гай с трудом подавлял в себе желание обозвать Бэллона глупцом. Завзятый охотник, Бэллон решил устроить охоту и на шервудских стрелков. По его замыслу, ратникам надлежало частыми цепями прочесать лес и добраться до лагеря лорда Шервуда. Он и в малости не предугадывал ответную тактику лорда Шервуда, которая Гаю была очевидна. Бэллон не принимал во внимание двойное кольцо дозоров, не подумал о том, что лорд Шервуда уже несомненно взял лагерь ратников под наблюдение, не оценил преимущества вольных стрелков. Гай был совершенно уверен, что лорд Шервуда воспользуется каждой оплошностью, допущенной Бэллоном при составлении подобного плана. Тем не менее он до конца присутствовал на военном совете, устроенном Бэллоном. Но если Бэллон вслух прикидывал, сколько часов уйдет на разгром вольного Шервуда, то Гай мысленно подсчитывал будущие потери королевского войска.

– Начнем завтра, как только рассветет! – бодро сказал Бэллон, завершая совет. – Никого не щадите, раненых разбойников добивайте, за графа Хантингтона – живого или мертвого – назначаю награду. Тот, кто возьмет его в плен или убьет, получит не только деньги, но и рыцарские шпоры.

В ответ раздался оживленный гул ратников из войска Иоанна. Джеффри, напротив, не выразил никакого воодушевления, а посмотрел на своего господина с немым удивлением. Гай в ответ хмуро усмехнулся: его ратники, в отличие от королевских, были слишком хорошо знакомы с порядками вольного Шервуда, чтобы не понимать всей губительности затеи Бэллона и неминуемого провала его планов.

– Брайан, – сказал Гай, когда они с Бэллоном остались в шатре вдвоем, – полагаю, у тебя не будет возражений, если моя дружина не примет участия в завтрашней охоте на шервудских стрелков?

Бэллон зарыскал глазами, пытаясь понять, чем вызвано внезапное отстранение Гая от войны с лордом Шервуда, но так и не сумел что-либо прочесть на его бесстрастном лице.

– Почему? – спросил он.

– Чтобы слава победителя досталась тебе одному, – ответил Гай, сопроводив ответ самой обворожительной улыбкой.

Мэт, возглавлявший разведчиков, которые наблюдали за лагерем Брайана де Бэллона и Гая Гисборна, заметил, как королевские ратники покидают шатер Бэллона, и понял, что тот держал с ними совет. Вскочив на коня, Мэт помчался в лес, встретился с Виллом, которому и рассказал о военном совете противника. Вилл, выслушав Мэта, отправился в сопровождении

небольшого отряда стрелков к одному из лагерей ратников и через несколько часов вернулся с пленником. Еще до заката Робин узнал все детали плана Бэллона.

Вечером в лагере лорда Шервуда снова собрались командиры отрядов вольных стрелков. Свет огня, разведенного в очаге, выхватывал из полумрака трапезной настороженные глаза и суровые, замкнутые лица шервудских воинов, неотрывно смотревших на Робина.

– Когда вы укроетесь в засадах, помните, что ратники не должны обнаружить вас. Если вы уверитесь в том, что выстрел выдаст место засады, – не стреляйте! Пропустите ратников дальше, к следующей цепи засад, – говорил Робин. – В открытое сражение вступайте только в том случае, если будете твердо уверены, что к ратникам, которых вы атакуете, не придет помощь. Наша цель проста: сократить число ратников, чтобы их вышло из леса как можно меньше, чем вошло.

– Что же дальше? – стараясь скрыть волнение, спросила Марианна, когда командиры отрядов покинули лагерь.

– Дальше? – и Робин улыбнулся, поцеловав Марианну в кончик носа. – Дальше ты будешь ждать меня, позаботишься об ужине и не сделаешь ни одного шага за порог.

Незадолго до рассвета он покинул лагерь вместе с Виллом, Джоном и остальными стрелками, оставив пятерых для охраны женщин.

К вечеру следующего дня Гай понял, что его расчеты полностью оправдались. Ратники устремлялись прочь из леса, не слушались приказов командиров, которые сами пребывали в полном смятении. Цепи ратников в красных сюрко с английским львом редели, как по волшебству, выкашиваемые длинными стрелами, которые сыпались на них смертоносным дождем. Стоило сделать всего несколько шагов в сторону и потерять из вида соратников, чтобы окончательно пропасть. Гай мог только догадываться, сколько ратников, уцелев от выстрелов, нашло смерть от шервудских клинков. И вот они возвращались из леса, если паническое бегство можно было назвать возвращением. Они несли раненых и убитых, кричали, что Шервуд – владение самого дьявола и они больше ни шага не ступят в сторону леса, не то что снова войдут в него. Пристально наблюдая за ними, Гай не заметил, чтобы среди ратников был хотя бы один пленник или убитый, одетый в зеленую куртку вольного Шервуда.

Подсчет потерь, понесенных королевским войском при выполнении плана Бэллона, продолжался долго после того, как солнце опустилось за гряды леса.

– Я потерял почти половину людей! – сказал Бэллон, не скрывая растерянности. – При этом у меня нет никакой уверенности, что граф Хантингтон лишился хотя бы одного из своих стрелков!

Гай, который в это время брился, ухитряясь пользоваться полированным лезвием меча как зеркалом, лишь усмехнулся краешком рта, услышав признание Бэллона. Еще утром Бэллон был олицетворением уверенности в победе, и надо же – плачевный итог! Заметив эту усмешку, Бэллон застыл как вкопанный.

– Ты знал! – медленно сказал он. – Именно поэтому ты и не пустил никого из своей дружины в Шервуд. Ты был заранее уверен в том, что наш план закончится неудачей!

– Твой план, – холодно поправил Гай.

– Хорошо, мой! – с трудом сдерживая раздражение, согласился Бэллон. – Но если ты видел мою ошибку, почему не предостерег меня?

– Ты же сам просил меня не вмешиваться, – оборвал его Гай, всем видом показывая, что не намерен выслушивать упреки Бэллона.

Вытерев лицо полотенцем, он обернулся к Бэллону и смерил его насмешливым взглядом:

– Брайан, ты уподобился своему дяде Роджеру, который ныне стал образцом благочестия. Он тоже считал вольных стрелков сбродом, недостойным внимания рыцаря. Един-

ственный, кто у тебя, должно быть, вызывает уважение, так это сам Рочестер, и то лишь потому, что носит титул графа. Но ведь именно он и возглавляет шервудское воинство! Неправильно оценив противника, ты мог лишиться жизни, если бы сам отправился в Шервуд. Но ты оказался достаточно благоразумен, чтобы остаться в лагере, поэтому заплатил всего лишь половиной войска, которое тебе прислал Иоанн. Поздравляю, Брайан! Король, несомненно, обрадуется твоему донесению.

Бэллон, стиснув зубы, заставил себя промолчать, оставив язвительные насмешки Гая без достойного ответа. Какое-то время он стоял в тяжелых раздумьях, а когда вновь заговорил, в его голосе уже не было и слабой тени былой уверенности:

– Что же предпринять? Может быть, поджечь со всех сторон этот клятый лес?

– Истребить королевские угодья? А заодно и все селения, монастыри, церкви, которые окажутся на пути огня? – хмыкнул Гай. – Ты в своем уме, Брайан?

Его темные глаза скользнули насмешливым взглядом по растерянному лицу Бэллона, который был явно готов принять любой разумный совет и ждал его как спасения. Тяжело вздохнув, Гай отвернулся от Бэллона и стал говорить. Его голос зазвучал уже не равнодушно, а уверенно и властно, словно не Бэллон был поставлен Иоанном над королевскими ратниками, а он.

– Отправь в Шервуд парламентаря, предложи Рочестеру открытое сражение. Конечно, лучше бы самому назначить место, но мы не успеем выбрать такое, какое было бы удобно нам, а не ему. Ну что делать, пусть примет это преимущество в подарок. И не забудь оговорить обязательное условие: обе стороны не станут использовать лучников.

– Почему без лучников? – спросил Бэллон.

По его лицу было видно, что Бэллону понравилась мысль выманить вольных стрелков на открытое место и засыпать их стрелами, не доводя дело до битвы.

– Потому что они просто расстреляют нас! – сказал Гай, свирепея от непонятливости Бэллона. – Я тебе сто раз говорил, что их луки мощнее и наши стрелы упадут на землю, не долетев и до первого ряда вольных стрелков. Поверь мне, Рочестер посчитает расстояние и выстроит свои позиции так, чтобы ты не смог воспользоваться направлением ветра, а он смог.

– Но почему ты уверен, что Рочестер вообще примет вызов и согласится на битву? Ему куда проще отсидеться в лесу!

– Примет, – с бесконечной уверенностью усмехнулся Гай. – Примет потому, что не может ждать. Сегодня он сумел очень сильно уменьшить наше численное превосходство. Но он понимает, что Иоанн не оставит его в покое и пришлет новые войска, которые не повторят твоей ошибки. И тогда его положение станет окончательно безнадежным. Поэтому он обязательно воспользуется успехом, достигнутым этим днем.

– Так, может быть, и нам не торопиться с вызовом, а попросить у короля новых ратников и подождать, пока они придут в Ноттингемшир?

– Может быть, – легко согласился Гай, – только прими во внимание, что командовать этим войском будешь уже не ты, Брайан. А когда отправишься к Иоанну с просьбой о новых ратниках, продумай заранее, как ты ему объяснишь потерю тех, что он прислал тебе ранее.

– Хорошо, – мрачно сказал Бэллон, понимая его правоту и не найдя в себе желания испытать королевский гнев. – Но кого отправить парламентарем? Ратников после сегодняшнего поражения не загонишь в Шервуд даже угрозой казни.

– Джеффри! – негромко позвал Гай, и из темноты на свет костра тут же вышел командир его дружины, который все это время был неотступно рядом с господином, но держался поодаль, внимательно слушая разговор. – Завтра на рассвете отправишься в Шервуд и передашь графу Хантингтону послание сэра Брайана. Попроси его сразу обозначить место сражения. И еще узнай, выполнит ли он мою просьбу, которую я передал через леди Марианну.

Джефффри молча кивнул. Бэллон насторожился.

– Что за просьба, Гай?

– Она касается только нас двоих, Брайан. Его и меня, – с трудом сдерживая раздражение, ответил Гай. – Пойдем в шатер, я продиктую тебе послание Рочестеру.

– У тебя не может быть дел с Рочестером, отдельных от меня, если только ты не намереваешься перейти на его сторону, тем самым изменив Иоанну! – вспыхнул Бэллон. – И мне не с руки корпеть над пергаментом. Я – рыцарь!

Слова Бэллона неожиданно развеселили Гая.

– Перейти на его сторону? – он расхохотался. – Право, Брайан, не знал, что ты так высоко меня ценишь! Куда мне тягаться с королем – это по силам лишь Рочестеру, не мне. Говоришь, рыцарю не пристало пачкать пальцы чернилами? Ладно, Джефффри, придется тебе отложить меч и взяться за перо, благо ты не обременен рыцарской цепью. Соизволишь приложить свою печать, Брайан, или и эту малость кому-то перепоручишь?

Джефффри повстречал дозорных Шервуда через час после рассвета. Несколько стрел впились в землю в паре дюймов от копыт его коня, безмолвно предостерегая незваного гостя. Джефффри осадил лошадь и высоко поднял древко с белым полотнищем.

– Я должен передать вашему лорду послание от сэра Брайана де Бэллона! – сказал он стрелкам, появившимся возле его коня.

Парламентеру завязали глаза, отобрали поводья лошади, и после дороги, которую ему пришлось проделать вслепую, он наконец предстал перед лордом Шервуда.

– Старый знакомый! – усмехнулся Робин, когда повязка была снята и он узнал посыльного. – Значит, дело важное, если твой господин поручил его именно тебе!

Джефффри с глубоким поклоном передал ему письмо. Сломав печать, Робин пробежал глазами по строчкам.

– Вот теперь я вижу руку Гая! – сказал он, оборачиваясь к Виллу и Джону. – Сэр Брайан предлагает нам честное сражение, оговаривая отказ от лучников обеими сторонами.

Бросив взгляд на Дикона, Робин указал ему глазами на Джефффри:

– Дик, составь компанию нашему гостю, пока мы совещаемся.

Они втроем отошли в сторону, так чтобы Джефффри не мог их услышать. Марианна поспешила присоединиться к ним, мельком ответив на поклон Джефффри.

– Перевес сил сократился, но численное превосходство у Бэллона все равно осталось, – сказал Робин, приобняв Марианну за плечи и тем самым безмолвно позволив ей остаться рядом и слушать. – Не ошибусь, если предположу, что на каждого из нас придется четыре, а то и пять ратников.

Вилл и Джон переглянулись, и Джон с боевым задором расправил могучие плечи.

– Бывало, что мы выходили против врага и с меньшими силами, Робин!

– И от кого мы это слышим! – усмехнулся Вилл. – От нашего учителя осторожности и благоразумия!

Наступило недолгое молчание, словно Робин и его соратники продолжали обсуждение, но уже мыслями, а не словами. Наконец Робин оглянулся на Джефффри, который ждал его решения под пристальным наблюдением Дикона, не снимавшего ладони с рукояти меча, и поманил к себе.

– Передай сэру Брайану, что я принимаю его предложение, – сказал Робин, когда Джефффри приблизился. – Он оставил за мной выбор места и времени. Скажи, что мы будем ждать его на рассвете на лугу возле Трента – там, где брод. Твоему господину должно быть знакомо это место. Все. Тебя сейчас проводят обратно.

– Ваша светлость, сэр Гай дал мне особое поручение: узнать у вас, выполните ли вы его просьбу, которую он передал через леди Марианну.

– Выполню, – помедлив, ответил Робин, – но пусть он сам ищет меня. Я его искать не стану.

Выслушав его ответ, Джеффри кашлянул в кулак и почтительно спросил:

– Граф Роберт, будет ли мне позволено сказать вам еще несколько слов?

– Ты уже произнес их с десяток! – усмехнулся Вилл.

– Говори, – разрешил Робин, пропустив недобрую иронию брата мимо ушей.

– Отказ от лучников предложил сэр Гай. Сэр Брайан согласился с ним, но с большой неохотой.

– Ясно, – кратко ответил Робин и внимательно посмотрел на Джеффри. – Хочешь сказать что-нибудь еще?

Джеффри бросил взгляд в сторону Марианны и кивнул:

– Да, ваша светлость. Я хочу предупредить вас о том, что сэр Брайан очень рвется поквитаться с леди Марианной за свою сестру.

– Разве он не видел, что она не нанесла леди Беатрис не то что раны, а даже царапины?

– Он видит в ней виновницу всех несчастий, которые постигли его сестру в браке с моим господином, – сдержанно ответил Джеффри, посчитав, что сказал достаточно, чтобы лорд Шервуда понял его.

Робин окинул его пристальным долгим взглядом и неожиданно предложил:

– Можешь остаться, если хочешь. Передать свой ответ сэру Брайану я смогу и без твоего участия.

Вилл с удивлением посмотрел на брата, думая, что ослышался, но Робин был совершенно серьезен. Глаза Джеффри вспыхнули, по лицу пробежала целая буря чувств. Он даже подался вперед к лорду Шервуда, но сразу опомнился: замер, угас лицом и взглядом, словно костер, резко залитый водой. Его лицо приняло обычное бесстрастное выражение, и он, не сводя глаз с Робина, твердо сказал:

– Граф Роберт, ваше предложение – огромная честь для меня, о которой я не смел даже мечтать! Но я служу сэру Гаю.

Еле слышный вздох, которым были сопровождаемы сказанным им слова, услышали и Робин, и Вилл. Слегка прищутив глаза, Робин, не отрывая взгляда от Джеффри, произнес:

– Жаль. Но твой ответ свидетельствует о том, что я не ошибся в тебе. Надеюсь, твой господин сумеет однажды по достоинству оценить твою верность данной ему присяге и наконец соберется с духом признать тебя тем, кто ты есть на самом деле.

Джеффри вздрогнул и впился в Робина удивленным и настороженным взглядом, заметив который, Робин рассмеялся:

– Нехитрая загадка! Достаточно приглядеться к тебе чуть внимательнее. Только, в отличие от сэра Гая, тебе досталась цельная и твердая натура. Увы, в ущерб тебе самому.

– Сэр Гай ни о чем не догадывается, – помедлив, сказал Джеффри, – да и моя мать была не единственной из удостоившихся такой сомнительной чести.

– Ясно! – усмехнулся Робин. – А ты сам не станешь навязываться своему господину. Ну, твое дело. Ответь мне вот на что, если сможешь. Когда еще нам с тобой доведется поговорить так доверительно, да и доведется ли? Одиннадцать лет назад у сэра Гая в оруженосцах был один юноша.

– Вы желаете узнать, как сэр Гай обнаружил, что юный Гарри служил вам? – понял Джеффри. – Однажды, обращаясь к сэру Гаю, он оговорился и назвал его вашим именем.

– И этой малости оказалось достаточно? – с болью поморщился Робин.

– Для сэра Гая – да. Но ведь он и не ошибся: Гарри действительно служил прежде всего вам и только потом – сэру Гаю.

– А ты служишь прежде всего сэру Гаю, – вмешался Вилл, наблюдавший за Джеффри все время, пока тот разговаривал с Робинем. – Не могу уложить в голове твою преданность

Гаю Гисборну, известную всем и каждому, и внезапную заботу о моем сыне! Не сможешь разобраться? Это ведь ты оказался настолько любезным, что отправил в Веардрун гонца, когда Дэнис угодил в подземелье Ноттингемского замка?

Скользнув быстрым прохладным взглядом по лицу Вилла, Джеффри позволил себе легкую усмешку:

– Всегда питал слабость к вашему сыну, сэр Уильям. Этого достаточно, чтобы у вас в голове воцарился порядок?

– Да, я помню самое первое выражение твоей приязни к нему, – очень недобро усмехнулся в ответ Вилл. – Нож у горла семилетнего мальчишки, если мне не изменяет память.

– Память вас не подводит, – самым невозмутимым тоном подтвердил Джеффри.

Глубоко вздохнув, Робин с улыбкой сказал:

– Мой брат благодарен тебе за помощь в случае с Дэнисом, а я признателен за откровенность, Джеффри. Раз уж ты решил остаться со своим господином, возвращайся.

– Желаю вам удачи, граф Роберт! От всего сердца, – с поклоном ответил Джеффри и поспешил к своей лошади.

Проводив его задумчивым взглядом, Джон покачал головой:

– Зная, что нам предстоит сражение с войском, превосходящим нас по численности, едва не принять твое предложение! Если именно он послал в Веардрун гонца, если давно уже лелеял мечту быть рядом с тобой, то почему же сэр Гай столько лет строил нам козни? Давно бы переманил его к нам, Робин, и оставил бы Гисборна без самого преданного ему человека!

– Ты же сам только что слышал его отказ, – пожал плечами Робин. – Он любит Гая – и не как слуга, а как брат.

– Надо же! А Гай жаловался мне, что не может найти таких же преданных людей, как те, что окружают тебя! – с иронией ответил Вилл. – Это ему, а не мне надо было дать совет внимательнее посмотреть на командира собственной дружины. Я-то увидел, а вот Гай не прозреет до самой смерти!

– О чем вы? – проворчал Джон. – Сначала Робин, теперь ты, Вилл! Робин, на что это ты намекнул верному псу сэра Гая, что он застыл как вкопанный?

– Он же понял мой намек, равно как и Вилл. Пораскинь мозгами, и тоже поймешь, – усмехнулся Робин и, заметив, что Джон, не удовлетворенный полученным ответом, собирается продолжить расспросы, пресек его любопытство самым непререкаемым тоном: – У нас очень много дел, друзья, а времени остается с каждой минутой меньше и меньше.

Они вернулись в трапезную, где Кэтрин и Мартина были заняты привычными хлопотами по хозяйству. Посмотрев в их сторону, Робин негромко сказал:

– Джон, вечером после ужина отвезешь их обеих во Фледстан. Там ратники Реджинальда, там наши женщины будут в безопасности. Ты помнишь, где начинается потайной ход и как открываются двери?

Расслышав слова Робина, Кэтрин отшвырнула полотенце, которым вытирала только что вымытую посуду, и подбежала к Джону.

– Никуда я не поеду! – заявила она, уперев руки в бока, и окинула Джона требовательным взглядом. – Не смей отсылать меня!

Стоявшая поодаль Мартина энергичным кивком выразила полное согласие с тем, что сказала Кэтрин.

– Тебя отсылаю не я, а Робин, – ответил Джон. – Я не могу ослушаться его приказа!

– Хитро придумал! – отрывисто рассмеялась Кэтрин и обернулась к Робину: – Неужели ты думаешь, что мы с Нелли и Марти сможем отсиживаться во Фледстане, зная, что вы тем временем сражаетесь не на жизнь, а на смерть?!

– Обо мне речи не веда, – отозвалась Эллен, – я во Фледстан не поеду. Мой дом в Шервуде, поэтому Робин мне не указчик!

– Давно ли? – осведомился Робин и так посмотрел на Эллен, что она почувствовала, как у нее стынет кровь в жилах.

Прижав руки к груди, она зачастила, умоляюще заглядывая ему в глаза:

– Я ведь целительница, как и Марианна! Что мне делать во Фледстане? А здесь я вам пригожусь! Пожалуйста, не гони меня из Шервуда! Да я так схоронюсь, пока вы сражаетесь, что меня ни одна лесная тварь не почует, – не то, что ратники короля!

Не обращая внимания на ее уговоры и заверения, Робин смерил Кэтрин холодным взглядом и негромко осведомился:

– Хочешь остаться, дружок? – и, получив в ответ от Кэтрин короткий безмолвный кивок, жестко усмехнулся: – Хорошо, оставайся. Я выделю тебе охрану, и те стрелки, которые могли бы принять участие в сражении, будут сидеть возле тебя. Сколько тебе нужно людей? Десять? Двадцать?

Ничего не сказав в ответ, Кэтрин низко опустила голову. Она прекрасно знала, что в Шервуде на счету каждый человек. Взгляд Робина смягчился, он приподнял за подбородок склоненную голову Кэтрин и прикоснулся губами к ее лбу.

– Побалуй нас сытным ужином перед расставанием!

Она, глотая слезы, послушно кивнула и, подняв голову, улыбнулась Робину дрожащими губами.

– Вилл, рассылай гонцов. Все должны прибыть на луг за час до рассвета. На этот раз пусть наденут кольчуги и возьмут щиты.

– А луки со стрелами? – спросил Вилл. – Поверишь в честность Бэллона?

– После такого прозрачного намека командира дружины Гая – нет. Колчаны не слишком большая тяжесть, поэтому пусть берут и их тоже. Поторопись: надо поехать на луг и осмотреться.

Пока Вилл управлялся с рассылкой гонцов, Робин подошел к Марианне, которая все это время неподвижно стояла возле очага, сложив на груди руки.

– Собирайся, радость моя, – сказал он, посмотрев в ее серебристые глаза. – Тебе ведь тоже надо взглянуть на поле завтрашнего сражения.

– Мне понадобится холм, Робин, – ответила Марианна.

– Он там есть. На самой окраине луга. Заодно развлечешься прогулкой по лесу. Когда мы с Виллом и Джоном закончим, поедem с тобой вдвоем на озеро и искупаемся.

Даже зная о том, что предстоящий день станет днем битвы, все равно было так чудесно проехаться верхом по зеленому лесу, а потом гулять по огромному лугу, на котором поднялась невысокая мягкая отава. Спешившись и оставив лошадей в роще, Робин, Вилл, Джон и Марианна медленно пошли по лугу к реке.

– Хорошее место! – одобрительно заметил Джон, оглядываясь по сторонам. – Им придется переходить реку, и переправа заберет часть сил раньше, чем начнется сражение.

– Нам надо завершить его до полудня, – отозвался Вилл, бросив из-под ладони взгляд на небо. – Иначе солнце перейдет на другую сторону и будет слепить нас, а не их.

Марианна быстро нашла холм, о котором сказал Робин. Он был достаточно высоким, чтобы его видели с любого уголка луга, а больше ей ничего и не требовалось. Поэтому, пока Робин, Вилл и Джон обсуждали расстановку отрядов, она бродила по лугу, собирая цветы. Слушая перезвон птичьих голосов и ровное гудение шмелей, которые кружились над чашечками цветов, Марианна старалась не думать о предстоящем сражении, дорожа оставшимися часами покоя.

– Все-таки она удивительная женщина! – вдруг сказал Джон, краем глаза наблюдая за Марианной. – При одном взгляде на нее душа отдыхает. Даже если бы она пришла сюда не победной Вестницей, а просто как леди Шервуда, ты поступил правильно, оставив ее с нами.

Робин лишь улыбнулся Джону и помахал рукой Марианне, подзывая ее. Она подбежала к ним с охапкой цветов, которые сыпались с ее рук, и вдруг бросила все цветы в реку. Завтра Трент будет досыта пьян от крови, которая прольется на его берегах. Так пусть же сегодня его воды натешатся ароматом цветов уходящего лета.

Простившись с Виллом и Джоном, Робин увез Марианну к небольшому озеру. Они долго плескались и ныряли в теплой прозрачной воде, пронизанной солнечными лучами до самого дна. Пока Марианна отжимала косы, Робин расстелил под низко склонившейся ивой плащ и лег на него, подставив спину солнцу. Марианна легла рядом с ним и прижалась щекой к мягкой ткани, ощущая, как теплые лучи осушают капельки воды на ее коже.

От озера веяло прохладой, ленивый плеск волн, набегавших на песчаный берег, навевал сон, и Марианна задремала. Ее сон был легким и недолгим. Проснувшись, она посмотрела на Робина и увидела, что он тоже уснул. Подперев рукой голову, она долго смотрела на него.

Его длинные ресницы встрепенулись, и синие, еще сонные глаза встретились с глазами Марианны. Робин ласково улыбнулся, лег на бок и обнял Марианну.

– О чем ты задумалась, мое сердце? – спросил он, отводя кончиками пальцев от лица Марианны светлые завитки, которыми играл налетавший от воды ветерок.

– О том, что сегодня долгий и светлый день, – с улыбкой ответила Марианна. – О том, как я ждала вас вчера и вы вернулись все до единого. О том, что я счастлива быть рядом с тобой в эти дни. Как бы я хотела, чтобы завтрашний день никогда не наступил! – призналась она и, подавив печаль, которая охватила ее при мысли о предстоящем сражении, подняла глаза на Робина. – А чего желаешь ты?

По его губам пробежала улыбка, отразившаяся в глазах цвета вечернего неба, и он негромко ответил:

– Тебя.

Сам его голос, которым было сказано только одно слово, но сказано с такой нежной властью, отозвался в ней жаркой волной. Утопая в бездонном омуте его глаз, Марианна обвила руками его шею и легла на спину, увлекая Робина за собой. Он был настойчив, но нетороплив, заставляя Марианну вновь и вновь испытывать бесконечное блаженство в его объятиях. Тая от сладкой слабости, охватившей ее тело, омытое волнами экстаза, Марианна дотронулась губами до губ Робина, когда он неподвижно замер, переводя дыхание.

– А ты, любимый?

Знакомая любимая ею улыбка коснулась уголков его рта, и он, отвечая на ее поцелуй, предложил:

– Давай вместе, сердце мое!

Прерывисто вздохнув, Марианна согласно прикрыла глаза и положила голову на сгиб его локтя. Как она любила смотреть на него в такие мгновения, когда его лицо становилось отрешенным, глаза укрывались в тени ресниц, темнея от вырвавшейся на свободу страсти! Он обладал ею так, словно каждым движением утверждал свое право на нее, безмолвно напоминая, что она только его, и ничья больше. Она же с готовностью уступала ему, как если бы отвечала: да, я только твоя, в этом нет и не может быть никакого сомнения! В какой-то момент она утратила себя, и он, мгновенно почувствовав ее полное слияние с ним, впился в ее губы жарким, требовательным поцелуем. Его глаза погрузились в самую глубь ее глаз, и губы Марианны опалил его сбивчивый шепот:

– Девочка моя! Медовая, нежная девочка!

Он задохнулся, сдавив ее в объятиях. Она изогнулась и, услышав его глухой вскрик, утонула в захлестнувшей ее горячей волне. Очнувшись, она увидела совсем близко его глаза, в которых играли золотые искорки, и ощутила тепло его ладони на своих губах.

– Прости, милая! – шепнул он. – Я люблю слышать твой голос, но... Ты могла всполошить весь Шервуд!

– Кто же стал тому причиной? – улыбнулась она, поцеловав его ладонь, и они рассмеялись, не сводя глаз друг с друга.

– А чья будет ночь? Твоя или моя? Или поделим ее поровну? – шутливо промурлыкала Марианна, когда они, утомленные, лежали, не размыкая объятий.

Услышав ее вопрос, Робин улыбнулся.

– Жена Воина, сестра Воина, ты забыла, что ночь перед битвой запрещает делить ложе с женщиной? – выпустив Марианну из объятий, он лег на спину и устремил взгляд в голубое небо, расчерченное зелеными ветками ивы. – Ночь будет посвящена Одину.

Его слова вернули мысли Марианны к предстоящему сражению. Она перевернулась на грудь и, привстав на локте, сказала, тихонько глядя Робина по щеке:

– Я, не спросив тебя, отправила Дикона в Руфффорд, чтобы он договорился с его жителями о помощи раненым завтра. Повозки, приют, уход...

– Они не побоятся? – усмехнулся Робин.

Марианна поняла, что сейчас он вспомнил тех, кто оставил его, соблазнившись поимованием Иоанна. «Они избегали смотреть мне в глаза...» – «Да, Марианна, вот такие они – люди, за которых Робин всегда был готов положить жизнь!...» Слова Реджинальда и Гая пронеслись у нее в голове, и Марианна крепко обняла Робина.

– Ты был очень огорчен, когда они ушли? – тихо спросила она, не пояснив, о ком говорит, но Робин понял ее.

– Они сделали свой выбор – это было их право. В первые дни я испытывал сожаление о силах, потраченных на них, но потом решил: то, что не привилось в них сразу, все равно однажды даст всходы. Если не в них самих, то в их детях. Одно я понял совершенно отчетливо: леди Маред права. Мой край больше во мне не нуждается, окончательно и бесповоротно. Горькое понимание, но если так, то я хотя бы не буду нести ответственность за кровь, которую они могли бы пролить, но предпочли не проливать. Мое время ушло, Мэриан, а с ним ушли и заботы о благе Средних земель. Теперь есть только те, что остались со мной, моя семья, и ничего больше, о чем мне следует беспокоиться и что надлежит защищать.

Его признание резануло ее ножом по сердцу. Останься с ним все, кто ушел, и вместо отправки войска для разгрома вольного Шервуда Иоанн был бы вынужден вступить в переговоры, пойти на уступки, чего он сейчас не сделает, если те, кто остались с Робинем, не докажут в сражении, что и они – сила, с которой надо считаться. У тех, кто соблазнился королевской милостью, выбор был, и они его сделали, не оставив выбора самому Робину. Прощаясь с ним, думали ли они, на что обрекают лорда вольного Шервуда? Может быть, и думали, но их мало заботила его участь.

Марианна знала, о каких потраченных силах он сожалел. Не о тех, что понадобились ему, чтобы вновь спланивать Шервуд, не о тех, которые он и его верные товарищи вложили в отступников, обучая их владению оружием. Речь шла о силах его души, направленных на воспитание стойкости духа и избавление от малодушия. Его наука и он сам были отвергнуты, но он все равно не считал, что потерпел неудачу. Его посеивы взойдут – в тех, кто бежал из Шервуда, или в их детях. Само его имя станет символом сопротивления произволу, достоинства, которое не позволяет упасть на колени. Но, несмотря на это понимание, Марианна чувствовала в нем глубокое разочарование и горечь. Край отринул правителя, выказал безразличие к его судьбе.

«Пусть это отступничество станет последним предательством, с которым тебе довелось столкнуться!» – подумала Марианна, а вслух сказала:

– Жители Руффорда не из боязливых. Они под защитой Реджинальда, они давали мне слово спешить на мой зов, о чем бы я ни попросила, и они обязаны тебе, ведь ты пожертвовал собой, сдавшись Гаю, чтобы Руффорд остался цел. Они придут и помогут.

– Ну что ж! – Робин глубоко вздохнул. – Помощь будет весьма кстати.

Марианна прижалась щекой к его плечу, чувствуя, как ладонь Робина ласково гладит ее по голове.

– Мы с тобой разговариваем так, словно все уже позади, – прошептала она, – а завтрашний день еще даже не наступил!

Его ладонь на миг замерла, он повернулся к Марианне и посмотрел ей в глаза с ласковой и печальной улыбкой.

– Милая, я давно собирался сказать тебе, – Робин немного помедлил, потом договорил, вновь устремив взгляд спокойных глаз в бездонное небо: – Я хочу быть похороненным в Шервуде. Не в Веардруне или еще где-либо – у Рочестеров все равно нет фамильного места погребения! Именно в Шервуде, рядом с друзьями.

– Робин! – протестующе воскликнула Марианна, и он приложил пальцы к ее губам, не дав больше сказать ни слова.

– Просто чтобы ты знала мою волю, и не более того.

Она помолчала, вскинула на него глаза и сказала непреклонным тоном:

– Тогда знай и ты, что я тоже хочу остаться в Шервуде!

Робин рассмеялся, обхватил ее руками и крепко прижал к себе:

– Саксонка! Ты будешь жить долго, очень долго!

– Если ты помнишь, руна предрекла нам одну смерть на двоих, – ответила Марианна, тихонько скользя губами по груди Робина.

– Значит, мы оба проживем еще много лет, – шепнул Робин, дотронувшись губами до уха Марианны.

Тени удлинились, солнце стало медленно спускаться к верхушкам деревьев. Робин и Марианна искупались еще раз и поехали домой. Лошади бежали медленной рысью. Бросив поводья, Робин и Марианна держались за руки и, склоняясь друг к другу, обменивались поцелуями. Последний мирный день Шервуда клонился к закату, неумолимо приближалась ночь, а за ней – утро битвы. Но в сердцах лорда и леди Шервуда царили умиротворение и даже беспечность, с которой они наслаждались каждой минутой уходящего дня.

К их возвращению столы были накрыты, и ужин прошел как обычно. За столами слышались шутки и смех, велись оживленные разговоры, но в них не прозвучало ни одного упоминания о завтрашней битве. Когда ужин закончился, Кэтрин и Мартина убрали со столов, перемыли посуду. Эллен, не сумев понять, согласился ли Робин с ее намерением не покидать Шервуд, на всякий случай еще днем отправилась к себе домой. Аккуратно поставив на полку последнее блюдо, Кэтрин обвела повлажневшими глазами трапезную, вытерла руки и сказала:

– Ну, вот и все!

Джон принес сверток с нехитрыми пожитками, которые Кэтрин и Мартина брали с собой в Шервуд, и два плаща. Набросив на плечи длинный плащ, Кэтрин прошла мимо стрелков и остановилась перед Робинком. Он ласково коснулся ладонью ее строгого бледного лица, улыбнулся и поцеловал в лоб. Кэтрин порывисто обняла его и крепко прижалась щекой к его груди.

– Не оплакивай нас заранее, мой милый дружок! – сказал Робин, почувствовав, как под его ладонями дрожат ее хрупкие плечи, и бережно отстранил Кэтрин, добавив с шутливой улыбкой: – И не обнимай меня так горячо на глазах своего ревнивого мужа!

Кэтрин улыбнулась сквозь набежавшие слезы и из объятий Робина перешла в объятия Вилла, потом Алана, а следом за ним – и остальных стрелков.

– И ты не грусти, Марти! – сказал Робин, обнимая Мартину. – Не бери пример с Кэтти!

Мартина, задохнувшись от нахлынувших на нее самых противоречивых чувств, вцепилась в руки Робина и приникла к его груди.

– Не сердись! – прошептала она, потершись щекой о мягкое сукно его куртки, и Робин понял, к чему относится ее просьба.

– Сердиться? Да я сочувствую тебе всем сердцем! – рассмеялся он и повторил слова, которые говорил ей несколько лет назад: – Девочка, ты из огня угодила в полымя!

Расслышав его последние слова, Вилл тоже рассмеялся и принял Мартину в свои объятия.

– Береги себя! – прошептала она, целуя его в щеку.

Вилл поцеловал Мартину в лоб и сказал так, чтобы услышала только она:

– Спасибо тебе, Марти, за любовь и за дочь. Передай Вильямине мое отцовское благословение и перестань ее прятать от меня, привези нашу дочь в Веардрун.

– Но что скажет Тиль? – так же тихо спросила Мартина, с тревогой поднимая глаза на Вилла.

Он усмехнулся и, помедлив, ответил:

– Я объяснюсь с ней, как-нибудь поладим!

Мартина, сдерживая слезы, покивала головой, и Вилл, помедлив, отстранил ее от себя

Марианна по очереди обняла подруг, и Кэтрин на миг прильнула горячей и влажной щекой к ее щеке:

– Храни тебя Святая Дева, Мэриан! А ты сама храни остальных. Мы с Марти будем неустанно молиться за вас!

Джон положил ладонь на плечо жены:

– Время ехать, Кэтти!

Они вышли из трапезной. Дэнис подвел к Кэтрин и Мартине оседланных лошадей, и обе женщины в последний раз оглянулись на старый монастырь, где в распахнутых дверях, в ярком квадрате света, неподвижно замерли силуэты лорда Шервуда и его стрелков.

– Храни вас Бог! – еле слышно дрогнули губы Мартины, и созвучным эхом отозвался возглас Кэтрин:

– Храни Святая Дева вольный Шервуд!

По знаку Робина пять стрелков вскочили на коней, чтобы в пути служить женщинам охраной, и маленький отряд, возглавляемый Джоном, растворился в темноте. В трапезной стало очень тихо, все посмотрели на Робина, и он сказал в ответ на общий безмолвный вопрос:

– Отдыхайте. Времени осталось немного.

Он пошел к себе, Марианна догнала его. Робин замедлил шаг и, когда она поравнялась с ним, положил ей на плечо тяжелую руку.

Она развела в камине огонь, зажгла свечи, и они оба занялись приготовлениями. Марианна нарезала большие куски полотна на длинные узкие полосы, проворно скатывая их и плотно укладывая в сумку. Робин полировал и оттачивал Элбион. Привлеченная игрой света и тени на его лице, хранившем отрешенное и сосредоточенное выражение, Марианна на миг забыла о своем занятии и неотрывно смотрела на Робина.

Шервуд еще только погружался в сон, а Марианне казалось, что и Робин, и она сама уже принадлежат утру, хотя до его наступления оставалось немало часов. Минувший день забрал с собой светлый огонь их недавней близости, а вместе с ним – и магическую силу, невидимой броней защищавшую их обоих. Сейчас они готовились к суровым испытаниям,

которые предвещал будущий день, близкие друг другу не как супруги, а как брат и сестра, связанные кровным родством.

Закончив сборы, Марианна подошла к Робину и, обняв его за плечи, прильнула щекой к его спине. Он, не оборачиваясь, улыбнулся и ласково потрепал ее по руке. И вдруг она с острой болью поняла, что он смертен. Смертен, как все люди! Робин услышал глубокий вздох, вырвавшийся из груди Марианны, почувствовал, с какой страстной силой ее руки обхватили его плечи, и без слов догадался о мыслях и чувствах Марианны.

– Любимая, – сказал он ровным негромким голосом, – прошу тебя! Завтра нам предстоит долгий и трудный день, и мы должны прожить его достойно.

– Робин! – только и смогла сказать Марианна, не в силах больше вымолвить ни одного слова.

Он отложил остро наточенный меч и повернулся к Марианне. Заглянув в ее глаза, полные смертельной тоски и тревоги, Робин нежно сжал ладонями ее плечи и приложил губы к ее лбу.

– Чтобы ни случилось, родная, помни, что нас ждет Вечность, где никто не сможет разлучить меня с тобой. Заокраинные земли, луга Одина, беспредельная и бесконечная Вечность. Подумай об этом, и тогда своему желанию удержать этот день ты улыбнешься, как желанию ребенка.

– Мне всегда так хорошо и спокойно, когда ты обнимаешь меня! – прошептала Марианна, закрывая глаза.

Дверь скрипнула, и на пороге появился Вилл.

– Я некстати? – спросил он, окинув быстрым взглядом Робина и Марианну.

Робин выпустил Марианну из объятий и поднялся.

– Входи, Вилл, – ответил он и улыбнулся. – Ты ведь знаешь, что дню битвы предшествует ночь воздержания.

Братья сели за стол напротив друг друга и одинаковым движением положили руки поверх стола.

– Ты возьмешь с собой Дэниса? – спросил Робин.

Вилл отрицательно покачал головой.

– Он останется вместе с Марианной. Заодно будет охранять ее.

– Отец! – раздался с порога возмущенный возглас.

Вилл устало обернулся и бросил взгляд на Дэниса, застывшего в дверях. Тот смотрел на отца с безмолвным негодованием, всем видом протестуя против решения Вилла.

– Нет, мой мальчик, – сказал Вилл мягким, но непреклонным тоном. – Ты обещал слушаться, вот и выполняй данное обещание.

– Ты просто боишься за меня! – запальчиво крикнул Дэнис.

– Конечно, боюсь, – с печальной улыбкой подтвердил Вилл. – Боюсь и хочу уберечь тебя. Ты еще не слишком-то опытный воин, Дэн, чтобы завтра наравне с нами сражаться с ратниками, которые превосходят нас числом.

Дэнис хотел возразить, но Вилл отвернулся, давая ему понять, что продолжать спор бесполезно. Дэнис беспомощно посмотрел на Робина, на Марианну и, прочитав в их глазах полное согласие с решением Вилла, ушел, громко хлопнув дверью.

Марианна вернулась в пустую трапезную, чтобы заранее приготовить для стрелков завтрак. Она расставила по столам блюда с сыром, хлебом, медом и орехами, прикрыв их полотенцами, кружки, а кувшины с молоком решила оставить до утра в холодной кладовой. Когда она вернулась, Робин и Вилл все так же сидели за столом, вполголоса продолжая разговор о завтрашнем дне.

– Ты приказал всем взять щиты, а сам от щита собираешься отказаться? – говорил Вилл. – Может быть, тебе стоит завтра изменить своим привычкам?

– А тебе? – усмехнулся Робин.

– Эдрик еще в юности внушил мне, что второй меч защитит лучше щита и принесет больше пользы в бою, – пожал плечами Вилл.

– Тогда и сам воздержись от советов. Я такой же ученик Эдрика, как и ты.

Они говорили так, словно обсуждали рядовые повседневные дела, и предстоящий день не обещал ничего необычного. Но ведь для них – воинов – ратные дела и были обыденностью. Марианна опустилась на скамью рядом с Робинем и заглянула в стоявший перед ним кубок. В нем была чистая родниковая вода – символ воздержания перед битвой.

– Лишь бы не подвел второй меч, – продолжал Робин, кладя ладонь поверх руки Марианны. – За Элбион я спокоен.

– Да, Элбион – отличный меч, – согласился Вилл. – Отец неизменно отзывался о нем с похвалой, хотя за столько лет сталь Элбиона могла устать.

– Элбион – легендарный меч. Конечно, его перековывали, но отец говорил, что впервые он был выкован самим Веландом, – улыбнулся Робин и вдруг спросил Вилла: – Ты никогда не сожалел о том, что передал его мне? Ведь ты имел на него равные со мной права, и неизвестно, кому из нас отдал бы Элбион сам отец.

По мгновенным и одинаково пристальным взглядам, которыми обменялись братья, Марианна поняла, что в казавшемся простым вопросе Робина таилось гораздо больше смысла. Робин спрашивал Вилла, не сожалел ли тот, что, несмотря на старшинство, никогда не пытался стать действительно первым из них двоих. Пусть в юные годы Робина и Вилла законные права первого и старшинство второго постоянно обсуждались в окружении графа Альрика, его сыновья предпочитали не касаться спора о правах каждого из них.

– Отец отдал бы его тебе, – помолчав, уверенно ответил Вилл. – Элбион мне не по руке.

– С самого дня своего рождения я был окружен любовью, заботой, роскошью, – тихо сказал Робин, пряча в глазах волнение. – Сколько я себя помню, для вассалов отца, ратников и слуг я был лордом и общим любимцем, не имея для этого никаких заслуг, кроме права рождения. А ты? Если бы не твоя случайная встреча с отцом, мы могли бы никогда не встретиться с тобой, а ты бы не оказался в Веардруне.

– В котором мне было ничего не надо, кроме отца и тебя, – спокойно перебил его Вилл и сделал глоток воды из своего кубка. – Ты сказал, что незаслуженно пользовался общей любовью? Тогда вспомни, как ты дал отпор Эдрику, когда тот вознамерился определить мое место в Веардруне. Именно в тот момент я почувствовал к тебе приязнь и осознал, что ты – мой брат, а не соперник. Да, ты с рождения имел то, чего был лишен я. Но отец погиб, Веардрун пал, и с каким же достоинством ты принял потерю того, что тебя окружало с детства! А я, в отличие от тебя, всего лишь вернулся в дом своей матери – и только. Не будь тебя рядом со мной, все воспитание, полученное мной в Веардруне, обратилось бы в прах. Но все годы, что мы с тобой прожили в Локсли, меня поддерживал твой пример. Ты, и занимаясь черной работой землепашца, все равно оставался Воином! Я смотрел на тебя и тянулся за тобой, испытывал гордость за тебя, потому что ты не только удержал меня, но и остальных наших друзей поднял вровень с собой. Именно ты после смерти отца помог мне стать таким, что я вправе гордиться тем, какой я есть сейчас. Нет, Робин, Элбион твой по праву. Давай на том и закончим, чтобы больше не возвращаться к вопросу, давно потерявшему смысл. Однажды мы обсудили его в Локсли, и за минувшие годы все осталось неизменным, тем более ты и я. Довольно об этом, мой брат и лорд. К тому же давно пора спать!

Вилл сладко зевнул и поднялся из-за стола.

– Ты у себя один? – спросил Робин.

– Как же! – фыркнул Вилл. – Алан, Мэт, еще пятеро на полу и собственный сынок в придачу.

– Тогда оставайся спать у нас, – предложил Робин, тоже поднимаясь из-за стола.

Вилл бросил взгляд в сторону Марианны и ухмыльнулся:

– Иногда ты даже меня поражаешь своей самоуверенностью, братец! – воскликнул он. – Как я, спящий, могу отвечать за себя?

И все же Марианна видела, что Виллу очень хочется принять предложение Робина. Она рассмеялась и легонько толкнула Вилла в сторону кровати:

– Ложись, Вилл! Если тебе вздумается во сне кого-нибудь обнять, то ты рискуешь получить оплеуху от Робина, в сравнении с которой моя давняя пощечина покажется тебе сладким поцелуем! Я постелю себе возле камина.

Сняв только сапоги и куртки, братья улеглись на низкую широкую кровать и через мгновение уснули крепким сном. Марианна соорудила из двух плащей постель для себя на лапнике, застилавшем пол, и тоже легла.

Когда она проснулась, было совсем темно, но чувство времени подсказало ей, что пора вставать. Она подошла к кровати, недолго смотрела на спокойные во сне и такие схожие чертами лица Робина и Вилла, потом склонилась и разбудила обоих одинаковым прикосновением губ к виску каждого. Приподнявшись на локте, Робин бросил взгляд в окно и молча поднялся. Вилл последовал его примеру. Марианна принесла им воду для умывания и достала из седельной сумки две свежие рубашки из белого тонкого льна.

– Только две? – рассмеялся Вилл, принимая рубашку из рук Марианны, и кивнул на ее сумку. – Или там хватит на весь Шервуд?

– Две, – ответила Марианна и посмотрела на Робина, – для вас двоих.

– Ты у меня умница, – улыбнулся Робин и указал глазами на дверь. – Разбуди остальных.

На пороге она не выдержала и оглянулась. Вилл брился, Робин ждал своей очереди, по привычке закусив найденную на столе сухую травинку. Взгляды обоих стали отрешенными, и Марианна поняла, что и Робин, и Вилл в мыслях уже находятся на лугу, где пройдет сражение.

Она быстро прошла по коридору, замедляя шаг возле каждой двери, тревожа сон стрелков негромким стуком и ласковым окликом. Через несколько минут стены старого монастыря ожили от голосов и звона оружия. Марианна поторопилась к себе.

Вилл, уже полностью собравшийся, стоял возле Робина, который надевал зеленую куртку поверх легкой безрукавной кольчуги.

– Жаль, что не сможем держаться вместе, – сказал Вилл.

– Жаль, но ничего не поделаешь, – ответил Робин, опоясываясь широким ремнем и вкладывая Элбион в ножны. – Как условились: ты отвечаешь за правый фланг, Джон и Эдгар – за левый, я – за центр.

Он окинул взглядом комнату, улыбнулся Марианне и дотронулся ладонью до ее щеки.

– Нам пора, милая, – сказал он так просто, словно собирался на прогулку или на охоту. – Дэнис проводит тебя к холму и останется с тобой.

Марианна молча кивнула, не сводя с Робина блестящих глаз, в которых он прочитал все, о чем она промолчала: пожелание победы, просьбу быть осторожнее и отчаянную мольбу остаться в живых. Робин отнял ладонь от ее лица, обернулся к Виллу и кивнул ему на дверь. Но Вилл остался стоять неподвижно.

– Позволь, брат! – попросил он и повел глазами в сторону Марианны.

Робин молча склонил голову и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Глаза Вилла и Марианны встретились. Вилл подошел к Марианне, медленно поднял руку и нежным невесомым движением очертил кончиками пальцев ее лицо, сжал ладонями скулы Марианны и, не отрывая пристального взгляда от ее серебристых глаз, тихо сказал:

– Я люблю тебя. Все эти годы я любил тебя, Мэриан, тебя одну, не переставая любить ни на час.

– Вилл! – прошептала Марианна, но он тут же прижал ладонь к ее губам, не дав ей больше сказать ни слова.

– Молчи, милая! Я ни о чем не сожалею. Мне было достаточно того, что я мог видеть тебя каждый день, что ты просто была рядом.

Он поцеловал ее в лоб, отнял ладони от ее лица и отступил на шаг, собираясь уйти вслед за Робинот, но не выдержал и медленно покачал головой.

– Нет, лгу! – в его янтарных глазах полыхнул глубинный огонь, и Вилл признался: – Всегда мечтал сам расплестать твои косы на ночь! И об одном сожалею – о том, как я жестоко с тобой обошелся в твой первый день в Шервуде. Если бы я тогда знал все о тебе!

Теперь уже ладонь Марианны нежно и властно легла ему на губы, заставив Вилла замолчать. Глядя ему в глаза, Марианна сказала:

– Не сожалею. Поцелуй меня, Вилл. Так, как поцеловал в тот вечер.

Его глаза сузились, устремились вглубь ее глаз. Помедлив, он обнял ее и с силой прижал к себе. Его губы осыпали поцелуями ее лицо, нашли ее губы, и он поцеловал ее так, что у нее перехватило дыхание. Но в этот раз она отвечала на его поцелуй, отвечала так же горячо, как он целовал ее, и обнимала с такой же страстной силой, как он ее обнимал. Задохнувшись от стука собственного сердца, Вилл оторвался от ее губ и, закрыв глаза, крепко прижался щекой к ее виску.

– Милая! Радость моя! – услышала Марианна его глухой шепот и, уткнувшись лбом в его плечо, расплакалась.

Вилл молча гладил ее ладонью по голове и целовал в светлые волосы. Марианна усиленным воли подавила слезы, вскинула голову и посмотрела Виллу в лицо.

– Береги себя! – прошептала она. – Обещай мне, что ты вернешься! Вы оба – ты и Робин – должны вернуться!

Он улыбнулся, тыльной стороной ладони бережно стер слезы с ее лица и, глядя в ее распахнутые, влажные серебристым блеском глаза, ответил:

– Обещаю, Мэри.

Заставив себя выпустить ее из объятий, он еще раз поцеловал ее в лоб и сказал уже обычным голосом, которым всегда разговаривал с ней:

– Увидимся после боя. Мне пора, Марианна!

И, не оглядываясь больше на нее, Вилл стремительно вышел из комнаты.

Переодевшись в белоснежное платье Вестницы и набросив поверх него плащ, Марианна вышла в трапезную, но та была пуста. Стрелки – собранные и молчаливые – стояли на поляне. Когда Марианна показалась на пороге, все взгляды устремились к ней, как по команде. Она подняла руку, творя магический знак, оберегающий в битве. Робин подошел к ней и, взяв руку Марианны в свою, поднес ее к губам.

– Жди нас с победой, моя леди! – негромко сказал он, но его слова услышали все стрелки, как услышали и ответный возглас Марианны:

– Победа будет на твоей стороне, мой лорд!

Она гордо вскинула голову, улыбнулась и подняла руку, провожая и взглядом, и взмахом руки стрелков, которые уходили, бесшумно растворяясь в темноте. И вот они все скрылись в лесу, а Марианна не могла оторвать взгляд от тропинки, по которой ушел лорд Шервуда – ее Воин, возлюбленный, муж.

За спиной Марианны появился Дэнис. Положив ладонь ей на плечо, он негромко, но настойчиво сказал:

– Леди Мэри, пора и нам! Лошади оседланы и ждут. Пора, леди Мэри!

Глава восемнадцатая

Предрассветный туман полосами нависал над темными водами реки, берега которой были объаты такой тишиной, словно вокруг не было ничего живого. Но вот первые лучи солнца, край которого показался из-за верхушек деревьев, рассеяли белесую пелену, обнажив берега Трента. На одном берегу застыли ряды королевских ратников в красных сюрко, а на другом, на лугу, которому предстояло стать полем битвы, – зеленые ряды вольных стрелков.

– Он даже сейчас отыскиал для себя преимущество, вынудив нас занять позиции против солнца! – пробормотал Бэллон, отыскав взглядом лорда Шервуда.

Робин стоял в самом центре, на шаг впереди плотно сомкнутого ряда вольных стрелков, сложив ладони на эфесе Элбиона, острие которого упиралось во влажную от росы землю. Заметив, что взгляд Гая неотрывно прикован к лорду Шервуда, Бэллон сокрушенно покачал головой.

– Не переходи реку! – сказал он, возобновляя долгий спор, который они вели ночью, но и на этот раз не был услышан.

– Как он спокоен! – произнес Гай, размышляя вслух. – Словно это он, а не ты, стоит во главе королевского войска!

– Но за ним не королевские ратники, а мятежники, которые уступают нам числом, – отозвался Бэллон и попытался еще раз убедить Гая: – Останься здесь! Будешь помогать мне советом. Не пройдет и часа, как ратники разобьют его стрелков без твоего участия!

Губы Гая покривились в саркастической усмешке, и он, поведя глазами в сторону Бэллона, покачал головой:

– Час? Не надейся на скорую и легкую победу, Брайан! Те, кто остался с ним, – и Гай кивнул на застывшие ряды стрелков вольного Шервуда, – они преданы Рочестеру до последнего вздоха. Они будут сражаться не на жизнь, а на смерть, и твои ратники дорого заплатят за каждую каплю крови его стрелков!

– Не смотри на все в таком мрачном свете! – рассмеялся Бэллон. – Я приготовил небольшой сюрприз для лорда Шервуда!

Тем временем перед королевскими ратниками появился священник, и ратники опустились на колени. На другом берегу из расступившегося строя вышел отец Тук. Воины вольного леса, не снимая ладоней с рукоятей мечей, все как один преклонили колени и склонили головы, слушая молитву пастыря Шервуда.

Напутствия и благословения обоих священников были недолгими, и, как только служба завершилась, оба войска были на ногах, готовые к бою. Гай бросил взгляд на Бэллона, ожидая от него приказа ратникам переходить реку, как вдруг увидел, что по взмаху руки Бэллона вверх устремился маленький флажок. Его подъем на флагшток означал команду лучникам приготовиться к стрельбе.

– Опомнись, Брайан! – как ужаленный воскликнул Гай. – Ты собираешься нарушить условия, предложенные тобой и принятые им?!

– С каких пор ты стал вести с ним честные игры? – цинично осведомился в ответ Бэллон.

Гай бросил тревожный взгляд на противоположный берег и, хотя он не различил лица Робина, но мог бы поклясться, что по губам лорда Шервуда пробежала ироничная улыбка.

– Они готовятся сделать выстрел! – крикнул Вилл и яростно выругался.

Робин властно поднял руку, и по этому знаку стрелки слаженно отступили назад. В их руках мгновенно оказались луки. С обоих берегов в воздух одновременно поднялся шквал стрел.

– Назад! – Гай схватил Бэллона за руку и увлек за собой, заставив укрыться под лозняком.

Выхватив из рук ратника щит, он упал на колени рядом с Бэллоном и прикрыл его и себя от шервудских стрел. Среди рядов ратников прокатились крики: стрелы обрушились на них, пробивая кольчуги и вонзаясь в тела.

– Ты болван, Брайан! При чем здесь честность?! Они тебя сейчас расстреляют в два счета!

Как и предупреждал накануне Гай, стрелы лучников Бэллона не достигли и первых рядов стрелков Шервуда, не причинив никакого урона. По знаку Робина стрелки вновь вскинули луки, и в небо устремился новый шквал стрел. Подхваченные порывом ветра, шервудские стрелы вновь обрушились на ратников, вызвав новые вопли боли и смятение. У самых ног Бэллона в землю вонзилась длинная черная стрела.

– Это предупреждение! Черные стрелы в Шервуде только у Рочестера!

– Он промахнулся! – с деланой беспечностью ответил Бэллон, но его прыгающие губы выдали зашевелившийся в душе страх.

– Отмени атаку лучников, а то узнаешь на собственной шкуре, что он никогда не промахивается! – прорычал Гай и, не дожидаясь ответа Бэллона, вскочил на ноги и властно крикнул: – Прекратить стрельбу!

Его голос прокатился над берегом и рекой мощным раскатом. Над рядами ратников пролетело пение рога, а флажок, служивший сигналом для лучников, пополз вниз. Противоположный берег замер в ожидании. Ратники поднимались с колен, восстанавливали построение, во весь голос проклиная и Бэллона, и шервудских лучников.

– Посмотри! За считанные минуты они выкосили стрелами почти треть твоего войска! – сказал Гай, скользнув по бледному лицу Бэллона яростным взглядом. – Ни один урок тебе не идет на пользу! Ты даже не принял во внимание направление ветра, не говоря уже о моем совете, которого сам и просил!

Не желая отвечать на упреки и признаваться в очередной оплошности, Бэллон поднял руку, отдавая ратникам приказ переходить через Трент. Красные ряды потоком устремились к броду. Гай отвел в сторону Джеффри и тихо сказал:

– Ты останешься на этом берегу вместе со всей дружиной.

– Сэр Гай! – вскинулся Джеффри.

Тот с силой сжал его плечо:

– Молчи и слушай! Если королевское войско одержит верх, спаси леди Марианну. Она обязательно будет здесь: среди стрелков или неподалеку отсюда. Найди ее и помоги выбраться из леса. Не сможешь спасти – убей, лишь бы она не досталась на растерзание ратникам Иоанна. Если победа будет на стороне вольных стрелков, тогда постарайся спасти жизнь Брайану, хоть он и не стоит заботы, а после отыщи меня. Это приказ, Джеффри.

– Он будет выполнен, – твердо ответил Джеффри, опуская глаза.

Гай улыбнулся и потрепал его по плечу.

– Гай! – воскликнул Бэллон, заметив, что того уже нет рядом с ним.

Он поискал его глазами и тихо чертыхнулся: синее сюрко Гая мелькало далеко среди красных сюрко ратников, переходивших Трент.

Дэнис и Марианна верхом во весь опор примчались к большому холму. Позади холма уже стояло несколько конных повозок, окруженных жителями Руффорда, которые громко приветствовали Марианну. Бросив им поводья Колчана и Воина, приведенного в поводу,

Марианна птицей взлетела на вершину холма. Луг лежал перед ней как на ладони. Марианна сбросила с себя плащ, и белоснежное платье, светлые волосы и золотой венец на голове вспыхнули ярким светом под солнечными лучами. Вскинув вверх руки, она благословила поле битвы и громко запела победную песнь, которой ее научила Фрейя.

Красные волны ратников докатились до зеленых рядов стрелков, сшиблись и перемешались с ними. С холма Марианна видела битву так, словно два мощных потока пытались одолеть друг друга. Вот зеленый поток яростно выпятился вперед, а красный откатился обратно к берегу, но тут же собрался с силами и ударил по зеленому, заставив того отступить. Слыша за собой прерывистое дыхание Дэниса, Марианна усилила голос, не сводя глаз с луга.

Бэллон, наблюдавший за сражением с другого берега, заметил ослепительно белый, окутанный светом силуэт на вершине холма и узнал в нем Марианну, приняв ее сначала за деву-валькирию из языческих саг. Солнце пылало яркими бликами в волнах ее распущенных волос, которыми играл ветер. До Бэллона даже долетели слова, смысла которых он не понял, и боевой протяжный напев. Она развела руки в стороны, и красные ряды начали отступать, словно повинувшись ее жестам. Марианна вновь вскинула руки высоко над головой, и зеленый поток отозвался на ее призыв яростным натиском, оттесняя королевских ратников к кромке берега.

– Кто-нибудь! Достаньте стрелой эту ведьму! – приказал Бэллон.

Лучник, поспешивший на его зов, нацелил было лук, но опустил его, безнадежно покачив головой.

– Невозможно, милорд! Слишком далеко! – сказал он с досадой, и Бэллону послышался ответный торжествующий смех Марианны.

Дэнис, с трудом сдерживая порыв сбежать с холма и присоединиться к битве, расхаживал за спиной Марианны, не сводя глаз с луга.

– Смотри, леди Мэри! – вдруг раздался его ликующий вопль. Дэнис тряхнул Марианну за плечо и указал ей рукой на луг. – Ратники не выдержали! Они бегут! Бегут!

Марианна бросила взгляд вниз и, перестав петь, затаила дыхание. Красные ряды ратников – уже не сплошным потоком, а отдельными рваными лоскутами – дрогнули, попятились и все быстрее устремлялись обратно к реке. Дэнис выхватил из ножен меч и бросился вниз по холму.

– Дэн! Вернись! – закричала вслед ему Марианна, но куда там!

– Назад! – рычал Бэллон, пытаясь остановить бежавших мимо него ратников. – Назад, трусливые собаки!

Его чуть не снесло потоком отступавших ратников, и, если бы не Джеффри, Бэллона затоптали бы те, кем он командовал. Повинувшись жесту командира, ратники Гая Гисборна подвели к Бэллону коня, силой заставили сесть в седло. Бросив последний взгляд на луг, где возле кромки воды еще шла битва, он во весь голос прокричал проклятие и прищипорил коня.

– Победа! – крикнула Марианна и рассмеялась звонким ликующим смехом. – Победа!

Сбежав с холма, она вскочила на иноходца и пустила его галопом во весь опор по лугу к берегу Трента.

Джон, выпустив из рук тяжелый двуручный меч, устало повалился на траву, полоскавшую длинные стебли в темной речной воде. Судорожно проглотив царапающий горло сухой комок, он лишь бросил жадный взгляд на воду, не находя в себе сил наклониться и зачерпнуть ладонью живительную влагу. Ленивая истома охватила его, и Джон бессильно повалился спиной на траву. Возле него плащ упал на грудь Мэт и, растянувшись всем телом, окунул голову в воду.

– Ранен, Мэт? – спросил Джон, с трудом поднимая голову.

Мэт окинул взглядом свою куртку, сплошь испятнанную кровью, и, отрицательно покачивая головой, снова припал к воде.

– А крови на тебе столько, словно ты в ней купался! – фыркнул Джон и, соблазнившись примером Мэта, перевернулся на бок и тоже окунул голову в воду.

– Купался, – с усталым смешком подтвердил Мэт, – да только не в своей!

Джон, прищутив глаза, посмотрел на солнце и с удовлетворением сказал:

– Справились до полудня, как и собирались! Даже раньше – еще добрая пара часов в запасе!

Они одновременно услышали оклик и обернулись. Марианна, спрыгнув с Колчана, побежала к ним и, упав рядом на колени, по очереди обняла каждого, не обращая внимания на пятна крови, которые переходили с их одежды на ее платье.

– Живы! – только и смогла она сказать, переводя с Джона на Мэта сияющие глаза.

– Живы, Саксонка! – добродушно проворчал Джон, обнимая Марианну. – Благодаря твоим молитвам или песням – чем ты там была занята на холме? Ох, и жарко же нам пришлось!

Марианну окликали другие стрелки, которые возвращались с луга и, так же как Джон и Мэт, смывали с себя кровь и пили холодную речную воду. Мимо них река несла тела в красных сюрко, и вода окрашивалась кровавыми темными пятнами.

– Марианна! Как ты пела! – воскликнул Алан, повалившись на траву рядом с ней и сжимая ее в объятиях. – У меня силы прямо-таки утраивались от твоего пения!

Марианна рассмеялась и с нежностью посмотрела на усталые лица стрелков, которые отвечали ей приветливыми улыбками, едва встречаясь глазами с леди Шервуда. Их подходило все больше и больше, они уже заполнили весь берег, но Марианна не видела среди них Робина. Она оглядывалась по сторонам, смотрела на луг, но и там не находила его. Его нигде не было! Сердце Марианны сжалось от недобрых предчувствий, которые почти перешли в обреченную уверенность, когда она наконец увидела его.

Пошатываясь от усталости, опираясь на меч, Робин медленно шел от луга к реке. Он был без куртки и без кольчуги, его рубашка была сплошь залита кровью. Правая рука выше локтя была схвачена полосой зеленого сукна, потемневшей и набухшей кровью. Он остановился всего в шаге от Марианны, но не увидел ее. Его глаза еще были темны, затуманены недавним азартом яростной битвы.

– Робин! – Марианна вскочила с травы и обняла его.

Глаза Робина прояснились, он улыбнулся и погладил Марианну по плечу, безмолвно попросив не беспокоиться за него. К Робину подскочил Дэнис, глядя на лорда Шервуда во все глаза, в которых плескался мальчишеский восторг:

– Крестный! Мы победили?!

– Победили, малыш, – устало ответил Робин и бросил на Дэниса внимательный взгляд.

Дэнис сжимал в руке меч с окровавленным клинком. Его щеку украшала свежая ссадина, глаза горели возбужденным блеском.

– Крестный, я успел уложить двоих! – похвастал он.

Не спуская глаз с Дэниса, Робин усмехнулся, и Дэнис понял, что похвастал зря. Тут же забыв о достоинстве воина, он жалобно протянул:

– Ты ведь не скажешь отцу?

– Виллу надо ослепнуть, чтобы не понять по одному твоему виду, где ты был и что делал, ослушник! И пора тебе самому отвечать за свои поступки, – сказал Робин, не поддавшись на виноватую физиономию, которую тут же скроил Дэнис.

Отстранив Марианну, Робин опустился на колени у кромки воды и стал умываться, бросая себе в лицо воду полными горстями.

Помолчав в нерешительности, Дэнис осмелился задать сильно мучавший его вопрос:

– Крестный, почему ты не приказал стрелять до полного истребления королевского войска? Неужели дело в том, что ты принял условие отказа от лучников? Но ведь Брайан де Бэллон нарушил это условие, и твоя честь не понесла бы урона при таких обстоятельствах. Прикажи ты стрелять и дальше, глядишь, до сражения бы дело не дошло!

– О чем ты, малыш?! – снисходительно фыркнул Джон. – Если бы честь можно было положить на тетиву!

– Тогда почему же вы не продолжили стрелять?! – непонимающе спросил Дэнис.

Робин глубоко вздохнул.

– Джон прав, и дело не в чести, коль скоро Бэллон отступился от того, на чем настаивал в собственном послании. Битва есть битва, мой мальчик, а не урок изящных манер. Ее цель – нанести противнику как можно больший урон, постаравшись при этом сохранить своих людей. Ответ на твой вопрос заключается в том, что у нас было мало стрел. Мы большую часть израсходовали на цепи ратников, когда Бэллон задумал устроить на Шервуд нечто вроде облавы. Времени восполнить запас не хватало, да и лес оставался взятым в кольцо. При нашем последнем залпе стрелы просто закончились. В противном случае я не дал бы ни одному королевскому ратнику даже подступиться к броду, не то что перейти реку.

– Так просто, крестный? – разочарованно протянул Дэнис.

– А ты что думал? – усмехнулся Робин. – Что я вознамерился повторить битву при Гастингсе, которая длилась с рассвета до ночной темноты? Останься в Шервуде все по-прежнему, как годы назад, и мы одержали бы верх без столкновения на мечах.

– Крестный, – не унимался Дэнис, – вот Брайан де Бэллон сам в бою не принимал участия, а ты сражался...

– Я всегда сражался, за что и получал от Эдрика строгие выговоры, – с улыбкой ответил Робин, в ответ на что Дэнис крепко обнял его и сказал:

– Пусть Эдрик себе мыслит, как хочет. А я тебя за то, что ты не стоишь в стороне, ожидая, чем кончится дело, уважаю всем сердцем и крепко люблю!

Робин похлопал юношу по спине и оттолкнул от себя.

– Бэллону удалось бежать, – сказал Айвен. – Я видел, как ратники Гисборна увлекли его за собой прочь от Трента.

– А Гисборн? – спросил Алан. – Ему тоже удалось бежать?

– Нет, – ответил Робин, и никто не осмелился расспросить его подробнее об участии Гая Гисборна.

Растолкав окружающих его стрелков, к Робину подскочила невеста откуда взявшаяся Эллен. Повиснув на нем, она прижалась щекой к его щеке, беспрестанно шепча:

– Я знала, знала, что над тобой никто не сможет взять верх! Как было страшно! Но я молилась и верила, что вы победите. И вы победили!

– Еще одна ослушница! – хмыкнул Робин и, потрепав Эллен по голове, попросил: – Отпусти меня, Нелли! Я, знаешь ли, немного устал.

Его последнее замечание было подхвачено общим смехом. Опомившись, Эллен расцепила руки, сомкнутые у него на шее, и отступила на шаг, не сводя с Робина влажных от слез и взволнованных глаз.

– Где же ты была все это время, раз говоришь, что тебе было страшно? Не в гуще же боя ты творила молитвы за нас? – с неизбежной усмешкой поинтересовался Мэт.

– Там, у холма! – махнула рукой Эллен. – Вроде бы поодаль, но и туда долетал такой: звон мечей, крики!

– Неужели? А я ничего не услышал! – съехидничал Алан, вызвав новый всплеск смеха, который мгновенно стих, стоило Робину негромко спросить:

– Где Вилл? Кто-нибудь видел его?

Услышав имя отца, Дэнис напряженно замер, рыская встревоженным взглядом по осунувшимся от усталости лицам стрелков. Он сам попытался найти отца, но разве можно было отыскать хоть кого-нибудь в том кипящем котле сражения, в который Дэнис окунулся с головой!

– Я видел Вилла, – сказал Эдгар, приваливаясь спиной к стволу кривой ивы. – Он прямо-таки вынырнул из месива стали, когда я уже начал вспоминать свои грехи и каяться в них! Вилл за несколько ударов раскидал насевших на меня ратников, обозвал раззявой и вареным ужом и снова исчез.

Стрелки расхохотались, а Дэнис высоко поднял голову и с гордостью улыбнулся. Тревога сама собой оставила его сердце. С таким воином, как его отец, ничего не могло и не может случиться, сколько бы противников на него не пришлось!

Марианна дотронулась до окровавленной руки Робина:

– Позволь, я перевяжу тебя!

Он улыбнулся и отстранил ее.

– Это пустяк, Мэриан. Твоя помощь сейчас нужна другим, кому досталось куда серьезнее, чем мне! Жители Руффорда пришли?

Марианна кивнула, и Робин отыскал взглядом Дэниса и Мэта:

– Помогите Марианне управиться с ранеными.

– Как прикажешь, крестный! – с готовностью отозвался Дэнис.

Робин, посмотрев на него, не смог удержаться от улыбки. Дэнис очень надеялся, что, когда наступит время объясняться с отцом, Робин замолвит за него слово перед Виллом.

– Нет, Дэн, я даже пальцем не пошевелю в твою защиту! – рассмеялся Робин и, когда Дэнис с самым сокрушенным видом опустил голову, встрепал ему волосы. – Учись отвечать за свои слова! Нелли, ты тоже возьми с собой двоих или троих и помоги Марианне.

Он вновь поискал глазами брата среди тех, кто собрался на берегу, но не нашел.

– Алан, пойдем на луг, поищем Вилла. Мэри, Нел, постарайтесь управиться быстрее. Встретимся у повозок.

Поднявшись на ноги, Робин протянул руку Алану, помогая ему встать, и они отправились обратно к лугу. Дэнис взял под уздцы коня Марианны, к седлу которого были привязаны аптечные сумки. Одну из них Марианна отдала Эллен со словами:

– Я начну от берега, а ты иди с противоположного края.

В сопровождении Дэниса и Мэта она поспешила к прибрежной части луга, которая была выстлана телами в красных сюрко, среди которых пятнами выделялись тела в зеленых куртках.

Склонившись над первым из найденных стрелков, распластавшимся лицом вниз у ее ног, Марианна с помощью Мэта приподняла его и перевернула на спину.

– Дик!

Услышав ее голос, Дикон пошевелился и слабо простонал. Заметив, как он облизал губы, Марианна обернулась к Дэнису, и тот поспешил дать ей флягу. Капли вина, упавшие на сухие губы Дикона, оживили раненого. Он открыл глаза и попытался привстать на локте. Слабая улыбка озарила его бледное лицо, когда он узнал леди Шервуда.

– Мэриан!

– Побереги силы, лежи спокойно! – ласково урезонила его Марианна и занялась раной Дикона.

Он терпеливо подчинился ее заботливым рукам, морщась от боли. Но его взгляд выражал глубокое удовлетворение. Смертельная битва с королевскими ратниками окончилась победой. Дикон ощущал надежную силу рук, поддерживавших его, и взгляд леди Шервуда умерял боль и дарил надежду на исцеление.

Оставив Дикона ждать жителей Руффорда, которые, по уговору с Марианной, должны были переносить раненых к повозкам, она поспешила к другим стрелкам, нуждавшимся в ее помощи. Марианна переходила от одного стрелка к другому, или убеждаясь в смерти, или замечая еле видимое биение жилки на виске, трепет ресниц, слыша слабый вздох. И тогда она, не жалея сил, не чувствуя усталости, боролась за жизнь каждого раненого, отбивая его у смерти. Она останавливала кровотечение, снимала боль целебными мазями, делала все, чтобы искры жизни не угасли в израненных телах. Но раненых оказалось меньше, куда меньше, чем погибших. Битва была недолгой, но яростной и жестокой.

На каждого из стрелков пришлось не по одному и не по два противника. Почти все погибшие были сплошь покрыты ранами, но, даже мертвые, они продолжали сжимать застывшими пальцами рукояти мечей. И вокруг каждого из них лежали королевские ратники. Поле битвы расцвело гигантскими, наводящими дрожь цветами – с зеленой чашечкой в середине и красными густыми лепестками по краям.

Среди королевских ратников тоже были раненые, и они тянулись к Марианне и заклинали ее о помощи. Но ее времени и сил не могло хватить на всех. Она откликнулась на их зов, просила немного потерпеть, и если уж призыв был совсем нестерпим, отправляла Дэниса или Мэта хотя бы напоить раненого.

Жители Руффорда под руководством бейлифа уносили с луга раненых и убитых стрелков. Лорд Шервуда приказал не оставлять ни одного своего стрелка, будь он жив или мертв. Закончив перевязку последнего из раненых, Марианна устало поднялась с колен. К ней подошел бейлиф Руффорда и ласково положил ладонь на ее плечо.

– Устали, миледи? – спросил он, окинув Марианну заботливым любящим взглядом.

– Хьюго, я прошу вас оказать помощь и раненым из числа королевских ратников, – вместо ответа сказала Марианна, не сводя глаз с луга, на котором оставались уже только тела в красных сюрко. – Заберите их тоже. Ночью придут мародеры, они добьют раненых.

– Как скажете, миледи, – вздохнул Хьюго.

– Твое милосердие не знает границ, – услышала Марианна за спиной смехок Джона, – а должно бы!

Он махнул рукой в сторону ратников и жестко сказал:

– Их раны и смерть – плата за жалованье, ради которого они пришли сюда. Если бы верх оказался на их стороне, они проявили бы к нам милосердие? – и когда Марианна медленно повернула голову и посмотрела на Джона, он с той же жесткостью ответил: – Нет. Они добились бы каждого из нас, кого нашли бы еще живым. Так стоит ли тебе, Марианна, сейчас проявлять столь трогательную заботу о них?

– Они такие же люди, как мы, Джон, – возразила Марианна, и в ее глазах замерцала сталь. – Они так же подвержены боли, отчаянию, страху. Так должна ли я оставаться глухой к их просьбам о помощи, не откликаясь, просто пройти по их телам?

Не выдержав ее взгляда, Джон отвернулся:

– Ладно, тебе виднее.

– Робин и Алан нашли Вилла? – спросила Марианна.

– С тех пор как они ушли от реки, я не видел ни одного из троих, – ответил Джон, – да я и не искал их, собирая наших товарищей вместе с жителями Руффорда. Иди к подножию холма, Марианна, там все и встретимся. Мэт, помоги мне!

Джон с помощью Мэта поднял на руки раненого, и, переложив его на плащ, они понесли его к ближайшей повозке.

– Я пойду с тобой, леди Мэри! – сказал Дэнис.

Он взял ее за руку, и они медленно пошли через луг к высившемуся вдали холму. Дэнис хмуро оглядывал поле битвы, и на его лице застыло выражение глубокой досады. Марианна поняла, что Дэнис расстроен тем, что слово, данное Виллу, помешало юноше принять уча-

стие в битве с самого ее начала, а держать ответ перед отцом все равно придется. Марианна рассмеялась и ласково взлохматила волосы Дэниса:

– Не горюй, малыш! На твою долю еще хватит сражений. И Вилл, может быть, не проявит к тебе излишней строгости!

– Смотри, леди Мэри! – вдруг воскликнул Дэнис, сделал шаг в сторону и замер, больно стиснув пальцы Марианны.

Марианна проследила его настороженный взгляд и увидела Гая, который лежал на траве в нескольких шагах от них. В его разжавшейся ладони оставалась рукоять меча. Неподалеку от него валялся шлем, словно Гай сорвал его с головы в пылу сражения, чтобы предстать перед врагом лицом к лицу, без защитных преград. Роковой удар точно пришелся в узкую щель грудного доспеха и был нанесен с такой силой, что острые металлические края пластин впились в рану на груди. Единственная рана, только один удар Элбиона, но такой силы, что ее было невозможно представить. Поединок, о котором Гай просил Робина, состоялся.

Внезапно по ресницам Гая пробежала дрожь, по горлу прокатился еле слышный стон. Дэнис мгновенно выхватил меч из ножен и, сделав шаг вперед, заслонил им Марианну, словно Гай мог вскочить на ноги и атаковать их.

Взгляд Гая прояснился. Увидев Марианну, он широко раскрыл глаза и, уверившись в том, что действительно видит именно ее, хрипло прошептал:

– Прости!

Марианна молчала, глядя в его темные глаза, видя в них тоску, с которой Гай ждал ответа.

– Не о моем прощении думай, Гай, – наконец сказала она, – а о прощении Того, перед кем ты скоро предстанешь.

Ей хватило одного быстрого взгляда, чтобы убедиться в неотвратимости смерти Гая. Она лишь удивилась тому, что он, получив такую рану, был еще жив.

Губы Гая искривились в печальной усмешке:

– Ты прости! Ты. Робин снизошел до меня, позволив мне вернуть давно утраченную честь. Снизойди и ты! Найди в себе силы, прошу тебя...

При такой ране речь была слишком длинной, и, задохнувшись, Гай смолк, хватая ртом воздух. Марианна смотрела в его глаза, полные смертельной тоски, и вспоминала. Против собственной воли она вспоминала те дни, когда их еще связывали приязнь и дружба. Она вспоминала, как теплел обычно жесткий взгляд этих темных глаз, едва обращаясь в ее сторону, как смягчался властный, не терпящий возражений голос, едва произносил ее имя. В ее памяти ожил день, когда Роджер Лончем потребовал от ее отца оставить Марианну в Ноттингеме. «Приказ принца!» – «Покажите его!» – И требовательный жест руки Гая: «У вас нет этого приказа. Разве вы не слышали? Леди помолвлена!» Он стоял, заслоняя ее от Лончема, скрестив руки на груди и устремив на могущественного вельможу непреклонный и насмешливый взгляд. Он вызывал у нее тогда признательность и невольное восхищение. «Мое предложение остается в силе, принцесса». И горькое сожаление, что приходится причинять ему боль, мимолетная мысль, что он мог быть достоин любви!

Тяжелая печаль ледяной рукой сдавила сердце Марианны. В ее душе не осталось ненависти – одна лишь мучительная жалость к самому беспощадному врагу, который так обездолил себя. Высвободив руку из руки Дэниса, Марианна опустила на колени возле умирающего и тихо сказала:

– Прости тебя Бог, Гай! Я же прощаю тебя.

Его лицо просветлело, он часто задышал и с усилием проговорил:

– Берегитесь Брайана, принцесса! Ты берегись, особенно ты!

На его губах выступила кровавая пена. Тяжелый вздох сотряс грудь, оборвав Гая на полуслове, и глаза, по-прежнему прикованные к лицу Марианны, неподвижно замерли. Гай Гисборн был мертв. Марианна медленно провела ладонью по его лицу, закрывая ему глаза, и долго сидела неподвижно, не снимая ладони с его лица. Убрав меч в ножны, Дэнис безмолвно стоял позади Марианны, не смея потревожить ее. Душой он прочувствовал мрачное величие того, что произошло сейчас на его глазах, но разумом возмущался, считая, что Гисборн слишком легко отделался.

– Мертв? – услышав голос, Марианна и Дэнис оглянулись.

Рядом с ними стоял Алан и, сложив руки на груди, задумчиво смотрел на Гая.

– Это был стоящий враг! Умел ненавидеть, умел мстить! – сказал он, перевел взгляд на Марианну и горько усмехнулся: – Надо же! Элбион ему грудь, считай, до хребта разворотил, а он все равно нашел в себе силы продержаться настолько, чтобы успеть вымолить у тебя прощение!

Марианна ничего не ответила, лишь посмотрела на Алана суровыми глазами, молча давая ему понять, что это ее право – даровать свое прощение. Алан тихо вздохнул, отводя взгляд от замкнутого лица Марианны, и подал ей руку, помогая подняться с колен.

– Идем, Робин послал меня отыскать Дэниса и тебя. Пора возвращаться в Шервуд. У нас еще много дел: нам – рыть могилы, отцу Туку – служить заупокойную мессу, и всем вместе похоронить тех, кто погиб, и поднять кубки в их память.

Они прошли совсем немного, когда неожиданно для себя повстречали Джеффри, который медленно шел по лугу, держа в поводу коня и вглядываясь в тела погибших.

– А ты что здесь делаешь? – нахмурился Алан. – Ищешь собственную смерть?

– Нет. Я ищу сэра Гая, – бесстрастно ответил ему Джеффри и посмотрел на Марианну. – Вы случайно не видели его, миледи?

– Ты найдешь его в той стороне, в двух десятках шагов отсюда, – ответила Марианна, указав рукой направление.

Джеффри кивнул, и Марианна, прочитав безмолвный вопрос в его мрачных глазах, тихо сказала:

– Он умер, Джеффри. Но умер в мире и согласии с собой.

– Благодарю вас, леди Марианна, за то, что позаботились о его душе, – глухо промолвил Джеффри. – Теперь мой черед – позаботиться о погребении его тела.

Он тяжело дернул повод коня и шагнул в сторону, которую указала ему Марианна.

– Ты бы снял с кольчужного сюрко полотняное, с его гербом, – посоветовала Марианна, когда он поравнялся с ней. – Не лучшая защита для тебя здесь и сейчас!

Джеффри повернул к ней голову, посмотрел Марианне в лицо и ответил с обычной твердостью:

– Я всю жизнь носил этот герб. Не стану снимать и сейчас. Будь что будет, миледи. Я признателен вам за беспокойство обо мне. Храни вас Святая Дева, и берегите себя!

Алан долго смотрел ему вслед, потом отвернулся и зашагал быстрее, увлекая за собой Дэниса и Марианну. Его лицо было хмурым и задумчивым, как тогда, когда он смотрел на мертвого Гая. Прежде чем Марианна успела спросить его, Алан сказал все с той же задумчивостью:

– В наших ирландских преданиях все битвы заканчиваются одним. Из каждого войска в сражении обязательно погибает равное число достойных воинов. А если в одном из сошедшихся в битве войск достойных воинов не было, тогда это войско терпело поражение и несло бесчисленные потери. Победители же лишались в этом случае одного из самых славных воинов. Так боги собирают свою плату. В детстве я слушал эти предания и считал их старыми сказками. Но сегодня понял, что это не так.

Его слова вдруг пронзили сердце Марианны такой острой болью, что она пошатнулась. Схватив Алана за руки, она повернула его лицом к себе и спросила:

– Вилл! Где он? Вы нашли его?

– Нашли! – ответил Алан. – Нашли, раскопав из-под груды мертвых ратников.

– Но Вилл жив, Алан?

– Был жив, когда я оставил его с Робинот.

– Что с ним? Он ранен? – допытывалась Марианна, бледнея все больше и больше при виде хмурого лица Алана.

– Ранен! – и Алан мрачно усмехнулся. – Едва ли можно назвать ранами то, как он изрублен!

Его лицо передернулось от душевной боли, и Алан, посмотрев в замершие, широко раскрытые глаза Марианны, тихо сказал:

– Вилл умирает, Марианна. Может быть, уже умер.

Они оба вдруг вспомнили о Дэнисе и одновременно обернулись к нему, испуганно посмотрев на юношу. Дэнис, слышавший каждое слово из разговора Алана и Марианны, не сводил с них глаз, в которых застыл ужас.

– Отец? – прошептал он, его голос осекся, и Дэнис, судорожно втянув в себя воздух, с силой тряхнул Алана за плечо: – Где мой отец?!

Не дожидаясь ответа, он бросился со всех ног к подножию холма. Марианна и Алан побежали следом за ним. Они догнали Дэниса, когда тот зацепился шпорой за траву и плашмя упал на землю. Вскинув голову и стиснув зубы, Дэнис вскочил на ноги, прежде чем Алан успел подхватить его, и подбежал к повозкам, стоявшим в тени холма.

– Джон, где мой отец?! – крикнул Дэнис, увидев Джона.

Тот молча поймал его и намертво притиснул к своей груди. После нескольких отчаянных попыток вырваться из его медвежьего захвата Дэнис был вынужден смириться. Он неподвижно замер и лишь тяжело дышал сквозь крепко стиснутые зубы. Заставив юношу если не успокоиться, то умерить панику, Джон молча указал Дэнису в сторону крайней повозки. Дэнис бросился туда, куда указывала рука Джона, и увидел Робина.

Со стороны все выглядело мирно и безмятежно. Лорд Шервуда сидел на траве, привалившись спиной к колесу повозки, и, положив ладонь на плечо брата, смотрел на Вилла, словно оберегал его сон, сам о чем-то глубоко задумавшись. Вилл лежал, вытянувшись под плащом, который укрывал его почти до шеи, и, уронив голову на колени брата, казалось, спал глубоким сном. Но, присмотревшись, можно было заметить, с каким напряжением подрагивают губы Робина, как на его висках выступили капельки пота, насколько бледным и неподвижным оставалось лицо Вилла. И тогда ощущение безмятежности развеивалось как дым.

Задохнувшись от волнения, Дэнис рухнул рядом с Виллом на колени и, впившись взглядом в лицо отца, нащупал под плащом его руку и крепко сжал в своей ладони. Ответного пожатия Дэнис не ощутил: пальцы Вилла остались неподвижными в руке сына.

– Крестный, что с ним?! – прошептал Дэнис, вскинув голову и посмотрев на Робина. – Он жив?!

Робин скользнул по лицу юноши невидящим взглядом, и Дэнису показалось, что он не услышал его. Но Робин едва заметно склонил голову, утвердительно отвечая на последний вопрос Дэниса, и вновь устремил взгляд на лицо брата. Закусив в волнении губы, Дэнис больше не осмелился о чем-либо спрашивать Робина.

Бесшумно опустившись на колени рядом с Дэнисом, Марианна окинула взглядом Вилла и увидела, что плащ, которым он был укрыт, сплошь покрыт пятнами крови. Они едва заметно ширились и сливались друг с другом.

– Ты не перевязал его?! – поняла Марианна.

– Нет, – ответил Робин и, когда она потянулась к аптечной сумке, перехватил ее руку и неожиданно жестко сжал запястье Марианны. – И ты не трогай его! Ничем не сможешь, только отнимешь у него последние силы. А теперь помолчите оба и не мешайте мне. Вилл хочет вернуться в сознание.

Марианна положила ладонь на плечо Вилла и мысленно воззвала к Фрейе. «Нет! – прозвучал жесткий голос. – Он не твой Воин, и ты не можешь просить за него». – «Тогда помоги моему Воину, Фрейя!» – взмолилась Марианна, глядя на напряженное лицо Робина. – «Твой Воин справится сам, а ты забыла о том, что просить меня о помощи можно только однажды!» – И голос смолк.

Тем временем стрелки уложили в повозки раненых, и Хьюго подошел к Робину:

– Милорд, мы позаботимся о раненых и похороним погибших.

Заметив, что лорд Шервуда остался неподвижным, ответив лишь подобием улыбки, Хьюго бросил взгляд на Вилла и настойчиво сказал:

– Граф Роберт, всем вам надо уходить! Не дай Бог, подойдут еще войска и застанут вас врасплох! Доверьте своего друга нашему попечению и поторопитесь вернуться в лес.

– Нет, – отозвался Робин, сопроводив ответ непреклонным взглядом.

Заметив, что бейлиф Руффорда собирается настаивать на своем и дальше, Джон отвел его в сторону и негромко сказал:

– Оставьте нашего лорда в покое. Погибших товарищей мы похороним сами, а Виллу не в силах помочь ни вы, ни мы. Ему осталось жить едва ли больше половины часа.

Голос Джона заглушил горестный возглас Дэниса. Как ни тихо говорил Джон, Дэнис, чей слух от горя обострился, услышал его слова и не смог удержать рыданий, даже крепко прижав ладонь ко рту. И тут он почувствовал, что пальцы Вилла дрогнули и с обычной силой сцепились вокруг запястья сына.

По ресницам Вилла пробежал трепет, темные, как густая смола, глаза приоткрылись и встретились с глазами Дэниса.

– Отец! – с несказанным облегчением выдохнул Дэнис и крепко прижал руку Вилла к своей груди. – Ты очнулся!

По губам Вилла пробежала знакомая ироничная усмешка:

– Еще бы! Твои вопли разбудят и мертвого!

Тяжелый вздох сотряс его грудь, и Робин, осторожно подхватив Вилла под плечи, приставил к его губам флягу с вином. Вилл с трудом сделал несколько глотков и уронил голову на колени Робина.

– Отец! – с отчаянием прошептал Дэнис, стискивая руку Вилла. – Как ты мог позволить так изранить себя?!

Вилл посмотрел в полные горя глаза сына, с заметным усилием высвободил руку из его рук и ласково провел ладонью по щеке Дэниса.

– Справедливый упрек, сынок! – тихим вздохом слетело с его губ. – Не рассчитал своих сил.

– Но ведь ты поправишься? Крестный и леди Мэри вылечат тебя? Ведь правда? – умоляюще шептал Дэнис.

Но все, к кому он взывал, молчали, и по щекам Дэниса побежали слезы безысходности, прокладывая светлые дорожки по испачканным скулам.

– Дэнис! – неожиданно сурово и с прежней силой прозвучал голос Вилла, и Дэнис немедленно вытер слезы.

Вилл молча смотрел на сына, и в его глазах отразились светлая грусть и любовное восхищение Дэнисом – статным, отмеченным врожденным изяществом и грацией, как сам Вилл.

– Сражался все-таки? – спросил Вилл, от чьего внимательного взгляда не ускользнула ни одна черточка в облике Дэниса, и когда тот виновато кивнул, усмехнулся: – А я надеялся, что ты все же удержишься!

– Прости меня, отец! – и Дэнис низко склонил голову, почувствовав, что для Вилла было куда важнее умение сына держать слово, чем число ратников, которые пали от меча Дэниса.

Улыбнувшись Дэнису в знак того, что принимает его извинения, Вилл поднял глаза на Робина и тихо сказал:

– Позаботься о моем сыне, Робин!

– Обещаю, Вилл.

Они смотрели друг другу в глаза, и, как ни разрывалось сердце Марианны от горя, она не могла не поразиться суровой сдержанности братьев. Два воина, равных друг другу, прощались. Один уходил и хотел уйти достойно, а второй утаивал скорбь, чтобы не омрачить уход брата и друга. Они молчали. За столько лет, которые Робин и Вилл прошли рядом, плечом к плечу, они не нуждались в словах.

– Все правильно, Робин, все хорошо, – наконец сказал Вилл. – Умереть стариком в постели – не для меня.

– Я провожу тебя, – ответил Робин.

Зная, что тем самым он будет избавлен от предсмертных мучений, Вилл тем не менее едва заметно покачал головой.

– Нет, проводы отнимут у тебя слишком много сил, а ты и так почти исчерпал себя. Я знаю дорогу и не боюсь боли. Придет время, и я встречу тебя в Заокраинных землях. Ты лишь не торопись следом за мной, брат! Это мой час пришел, а не твой. Элизабет устала ждать меня, да и с отцом мне давно пора помириться! Все, Робин, не удерживай меня больше.

– Быть твоим братом – честь для меня, – сказал Робин, глядя в глаза Вилла, и тот, улыбнувшись, ответил:

– Я знаю.

Подчинившись его настойчивому взгляду, Робин молча склонил голову, ласково провел ладонью по лбу Вилла и, сделав над собой усилие, сказал:

– Легкой тебе дороги к лугам Одина, Вилл.

Вилл утомленно вытянулся под плащом.

– Да, пора в путь. Устал я, Робин, от забот этого мира. И как это люди живут в нем иной раз три четверти века! – Он нахмурился, все еще чувствуя приток жизненной силы, который продолжал идти от руки Робина. – Перестань! Все равно не удержишь.

Робин медленно отнял ладонь от плеча Вилла и, не сводя потемневших глаз с его лица, крепко сжал пальцы в кулак.

Едва оборвалась нить жизни, связующая братьев, как началась агония. Смерть получила сегодня щедрые дары, но самого желанного она забирала, не торопясь, медленно завладевая израненным телом Вилла. Сознание Вилла оставалось ясным и сопротивлялось смерти так же упорно, как и тело. Его лицо исказила судорога нестерпимой боли, и Вилл не смог сдержать хриплого стога. Встретив полный муки взгляд Дэниса, Вилл резко отвернулся лицом к груди Робина, чтобы сын не видел его. Не в силах больше сдерживать слезы, Марианна порывисто поднесла руку Вилла к губам и ладонью провела по его щеке. Он медленно повернул голову и посмотрел на Марианну.

– Вилл, милый! – прошептала Марианна, глядя в его загустевшие смоляной темнотой глаза. – Скажи, чем помочь тебе?!

Стиснутые губы Вилла разжались, по ним пробежало слабое подобие прежней улыбки, и, как когда-то она в Ноттингеме, Вилл почти беззвучно попросил:

– Поцелуй меня, Мэриан.

Проглотив слезы, Марианна склонилась к нему и дотронулась губами до его губ, ответивших ей слабым трепетом. Тогда, задохнувшись от горя, она резко выдернула заколку, удерживавшую тяжелый узел ее волос, и светлый водопад обрушился на грудь Вилла, закрыв его пронизанным солнцем шатром. Глядя в полные слез глаза Марианны, Вилл улыбнулся, благодарный за то, что она отделила его и себя от всего мира, оставив их вдвоем. Марианна гладила его по лицу, стирая с него гримасу боли, и целовала потрескавшиеся, сухие губы Вилла, пока его глаза не посветлели. Темная пелена боли растворилась в них, они вновь стали янтарными, и Марианна утонула в их светлой медовой глубине.

– Скажи Тиль, чтобы не горевала слишком сильно, – прошептал Вилл. Высвободив руку из ладони Марианны, он дотронулся до ее волос и вздохнул: – Так я и не расплел их ни разу! Оно и к лучшему – тебя Элизабет мне не простила бы. Все, теперь поднимись.

Он почти неощутимым касанием холодеющих пальцев отстранил Марианну. Она послушно выпрямилась и дрожащими руками заколола волосы. Вилл посмотрел в раскинувшуюся над лугом бездонную синь неба, глубоко вздохнул и улыбнулся. Его глаза неподвижно замерли и погасли, словно солнечный свет вобрал в себя янтарное тепло его взгляда.

Робин осторожно положил ладонь на грудь Вилла, но не почувствовал биения сердца. С заметным усилием подняв руку, он бережно, самыми кончиками пальцев провел по лицу Вилла, закрывая его глаза. Позволив себе это единственное ласковое касание, Робин подозвал Джона, чтобы тот помог ему перенести Вилла в повозку, где лежали другие павшие в битве.

И только глухой ночью, когда он погрузился в тяжелый сон, выпив по настоянию Марианны сонный отвар, она услышала, как короткое и страшное рыдание без слез сотрясло грудь Робина.

Глава девятнадцатая

Победа, одержанная вольным воинством над королевскими ратниками, сильно воодушевила простых обывателей Ноттингемшира. На следующий же день в Шервуд вновь устремился поток тех, кто желал примкнуть к победителю. Но Робин, едва Джон рассказал ему о первых добровольцах, пришедших пополнить ряды вольных стрелков, решительно и жестко ответил:

– Нет. Отправляй их по домам, и немедленно. И передай мой приказ дозорным заворачивать всех, кто вознамерился поиграть в войну.

– Почему? – удивился Джон. – Ведь мы тоже понесли потери, их восполнение не будет лишним!

– Наши потери эти люди не восполнят. Они не умеют воевать.

– Обучим! – с энтузиазмом возразил Джон, пытаясь переубедить друга.

– Обучим чему? – усмехнулся Робин. – Твердости и бесстрашию? Воспитаем в них воинский дух? Не смеши меня, Джон! Они разбегутся раньше, чем постигнут азы этой науки.

– Напрасно ты так, Робин, – угрюмо сказал Джон, – они полны решимости помочь нам. Весь Ноттингемшир бурлит, обсуждая нашу победу у Трента. Все ждут, что ты со дня на день двинешься на Лондон, и рвутся идти вместе с тобой, с нами!

– На Лондон?! – и Робин расхохотался. – Ну конечно, куда же мне еще идти! Пройти военным маршем половину Англии, захватить Лондон, сбросить Иоанна с престола и занять его трон!

Джон тоже невольно расхохотался, но не удержался, чтобы не сказать:

– А что? Ты был бы лучшим королем, чем Иоанн! Твой род ведет начало от королевского дома Мерсии², через браки Рочестеры породнились и с династией Вильгельма Нормандского, и с королями Шотландии, а благодаря матери ты доводишься родней и герцогине Аквитании – королеве-матери Алиеноре, упокой Господь ее душу! Право же, Робин, если вдуматься, у тебя не меньше прав на английскую корону, чем у Иоанна!

Не обращая внимания на слова Джона, Робин повторил:

– Пройти половину Англии, – и, помедлив, он тихо сказал: – По дороге они начнут грабить города и селения, такие же, в которых живут сами. Ради того чтобы добыть еду и просто для забавы. Не имеющие уважения к себе, они с таким же неуважением отнесутся к другим, кто отличается от них только одним: тем, что живет не в Ноттингемшире. Мародерство, насилие, грабежи, поджоги – вот чем они отметят свой путь. А когда им преградят дорогу королевские войска, они разбегутся.

Его глаза сузились в жестком прищуре, словно он видел перед собой все, о чем говорил.

– И что же делать? – растерянно спросил Джон, придя в замешательство от картины хаоса и разрушений, нарисованной Робинотом.

– То, что я тебе сказал: отправлять всех по домам. Но слухи о походе на Лондон нам на руку. Не стоит их разжигать еще больше, чем они уже есть, но и отрицать ничего не надо. Молчание, Джон, просто молчание.

Джон внимательно посмотрел на Робина. Либо ему стала изменять его обычная проницательность, либо лорд Шервуда со дня битвы изменился настолько, что его намерения перестали быть понятными. Во всяком случае Джон потерял способность угадывать мысли Робина, прежде чем тот облакал их в слова. Джон передал ему просьбу Кэтрин разрешить ей

² Одно из семи королевств так называемой англосаксонской гептархии (семицарствия), располагалось в долине реки Трент на западе центральной Англии.

и Мартине вернуться из Фледстана в Шервуд, но Робин ответил отказом. На довод о том, что Марианне и Эллен вдвоем тяжело вести хозяйство, он сказал, что они справятся. Деликатный намек Джона, что Мартине легче было бы совладать с горем среди своих, Робин понял, но, помедлив, отрицательно покачал головой. «Я сочувствую ей, – сказал он так, словно его сердце оставалось спокойным, – но раз уж она и Кэтрин оказались во Фледстане, пусть там и останутся, в безопасности». – «Значит, в Шервуде, отстоявшем свободу от власти Иоанна, все равно опасно?» – спросил Джон. В ответ – негромкий смех, быстрый взгляд невозмутимых глаз, глухая, непреодолимая стена... И вот теперь отказ принять пополнение, которое пришлось бы кстати. Отказ, сопровождаемый к тому же жестким, нелицеприятным суждением о тех, кто страстно желал надеть зеленую куртку вольного стрелка, кто боготворил лорда Шервуда. Но слухами о походе на Лондон он в то же время доволен!

– Чего ты ждешь, Робин?! – не выдержал Джон, устав созерцать непроницаемое лицо лорда Шервуда, глубоко ушедшего в мысли, в которые Джон тщетно пытался проникнуть. – Что, по твоему мнению, должно произойти?

Робин очнулся от размышлений, повернул голову к Джону и улыбнулся. Улыбка, как всегда, преобразила его лицо, и Джон увидел перед собой прежнего Робина.

– Переговоры, – ответил Робин. – Наша победа дает мне полное право ожидать их. Немного времени – и король окончательно лишится спокойствия, испугается мятежа, который может полыхнуть огнем на половину страны. И тогда он пойдет на переговоры.

– И это все? – разочарованно протянул Джон, у которого по жилам еще гулял огненный азарт недавней битвы.

– А ты чего ожидал? – усмехнулся Робин. – Войну важно не только вовремя начать, но и вовремя закончить.

Джон прищурился, неотрывно глядя на Робина:

– Но ради чего мы воевали?!

– Ради того, чтобы Иоанн опомнился и положил конец произволу, учиненному в Средних землях с его попустительства. Если я прав и он вступит с нами в переговоры – цель достигнута, и победа нами одержана.

– А если вспомнить то, что я тебе говорил? То, что ты предпочел не услышать?

Под настойчивым взглядом Джона Робин невольно подумал о том, что ни Виллу, ни Реджинальду не понадобилось бы ничего объяснять, да они никогда и не задали бы подобный вопрос. Джон не был искушен ни в политике, ни в тонкостях смены династий, и рассуждал так же, как те люди, которые сейчас пытались примкнуть к вольным стрелкам, свято веря, что лорд Шервуда действительно двинет свое войско на Лондон, ради того чтобы сместить короля Иоанна. Наивные мысли этих людей Робина не занимали, но Джон был его другом, и Робин ответил:

– О королевской крови, родстве и правах? Я услышал все, что ты мне сказал, Джон. Королевский дом Мерсии давно прекратил свое существование вместе с самим королевством. Родством с правящими династиями могу похвалиться не я один из английских графов, чтобы серьезно говорить о больших претензиях. Смена династии требует общей поддержки не только изнутри, но и извне, в том числе и благословения Святого престола. Герцог Вильгельм, о котором ты упоминал, чтобы утвердиться на троне Англии, изнасиловал всю страну в буквальном и переносном смысле. А ведь он считался наследником короля Эдуарда, заручился поддержкой святейшего папы против Гарольда Годвинсона! И все равно страну сотрясали мятежи и восстания, смута и ненависть все время правления Вильгельма и его преемников. Не о чем говорить, Джон. Потомки династий, ушедших в небытие, должны позабыть о своих притязаниях, если не хотят пролить реки крови и запятнать свое имя бесчестьем и позором. Я, знаешь ли, Джон, дорожу своим именем. От меня отступился край, ради защиты которого я был рожден, край, который оберегал весь мой род из поколения в поколение. А

ты пытаешься соблазнить меня миражами, порожденными твоим воображением из-за одной выигранной битвы? Тебе самому не смешно?

Он устремил на Джона тяжелый ироничный взгляд, и Джон глубоко вздохнул и склонил голову, нехотя признавая правоту Робина. У Джона оставался еще один вопрос, который было необходимо разрешить, но он не знал, как приступить к разговору. После нескольких его вздохов Робин спросил сам:

– Чего ты мнешься, Малютка? Говори уже!

– Робин, мы все понимаем, что ты должен сейчас чувствовать. Вилла любил весь Шервуд, – осторожно заговорил Джон и опять замолчал, пытаясь найти правильные слова.

– Перейди к делу, – посоветовал Робин, подбодрив Джона бесстрастным взглядом.

– Мы ведь вчера победили, – сказал Джон.

Робин, поняв недосказанное, кивнул:

– И теперь все хотят отпраздновать победу. Что ж, давай созывать всех на праздничный ужин. Отправь кого-нибудь на охоту. Вино у нас закончилось.

– Вино мы раздобудем! – заверил Джон и отправился обрадовать стрелков известием о назначенном на вечер празднике.

Весть, которую Джон огласил в трапезной, действительно всех обрадовала. Дань скорби по друзьям, погибшим в битве, стрелки отдали накануне вечером, похоронив павших товарищей. И хотя печаль по ним еще не улеглась, ликование от одержанной победы требовало выхода, и праздника хотел весь Шервуд. Марианна и Эллен взялись за приготовления, Эдгар, Айвен и Бранд уехали на охоту, сам Джон отправился к отцу Туку, запасы вина которого казались неистощимыми. И только Дэнис поспешил к Робину с просьбой разрешить ему отсутствовать за праздничным столом. Выслушав юношу, Робин отрицательно покачал головой.

– Крестный, как ты можешь?! – воскликнул Дэнис, ожидавший понимания, а не отказа. – Ведь только вчера!..

– Могу, – жестко ответил Робин, не дав ему договорить. – И ты сможешь, если хочешь быть достойным памяти Вилла. Поэтому не только сядешь за стол, но будешь улыбаться и даже петь, если тебя попросят.

Дэнис низко склонил голову. Робин ухватил его за подбородок и заставил поднять голову. Посмотрев в упрямое лицо Дэниса, в глаза, полные слез, Робин, смягчившись, тихо сказал:

– Дэн, запомни то, что я сейчас тебе скажу. Как бы ни было тебе тяжело, какая бы острая боль ни терзала тебя, никто не должен видеть на твоём лице того, что происходит в твоей душе. Радостью можешь делиться, горе оставь себе одному. Ты понял меня?

Глядя в его темные, как ночное небо, глаза, Дэнис едва заметно кивнул. Оглушенный собственной болью, он только сейчас до конца осознал, насколько был не одинок в своем горе. Но лорд Шервуда не допускал и мысли о том, чтобы не выйти к праздничному столу, не разделить со своим воинством радость и гордость минувшей битвы. Дэнис знал, что Робин будет весел, станет смеяться со всеми, знал, что от него обязательно попросят песен и он не откажет. И ни при каких условиях лорд Шервуда не позволит себе омрачить праздник своих стрелков. И Дэнис расправил плечи, гордо вскинул голову и попытался улыбнуться. Получилось не очень весело, но все-таки получилось.

– Я понял, крестный. Я не подведу ни тебя, ни отца, – сказал он, упрямо сверкнув глазами, только на этот раз упрямство было обращено против собственной слабости, которой он едва не поддался.

Хотя угощение было еще более простым, чем в день прощания с летом, – только мясо, хлеб и вино, – праздник удался на славу. Осушив первый кубок в молчании в память погибших друзей, стрелки понемногу развеселились. Через час над столами уже не смолкали

голоса, раздавались взрывы смеха, наперебой рассказывались истории о том, что и как случилось во время сражения. То, что в битве казалось страшным, сейчас преображалось в забавное, рождая шутки и смех.

Отец Тук не только снабдил Джона бочонками с вином, но и сам приехал. Сидя за столом и слушая рассказы стрелков, он украдкой наблюдал за Робинот. Лорд Шервуда был ровно таким, каким его хотели видеть стрелки. Расслабленно положив руку на плечо Марианны, он пил вино, шутил и смеялся вместе со всеми, пел, когда настал его черед взять лютню. Но если умение Робина владеть собой не слишком удивило отца Тука – все-таки он давно знал лорда Шервуда, то когда рассмеялся Дэнис, а потом, не чинясь, принял лютню и запел веселую песню, отец Тук одобрително вскинул брови.

Праздник закончился только глубокой ночью. Придя к себе, Марианна увидела, что Робин еще не спит. Он медленно расхаживал по комнате, баюкая раненую руку. Она подошла к нему, перехватила его руку и посмотрела ему в глаза:

– Болит?

– Ное. Наверное, к дождю, – улыбунулся он, мельком глянув на Марианну, и хотел высвободиться, но она удержала его.

– Робин, заклинаю тебя, перестань! – сказала Марианна, все так же глядя ему в глаза.

– Перестать что? – спросил он, отразив ее взгляд непроницаемой синью.

– Перестань все время думать о том, что это ты, а не Вилл, должен был погибнуть во вчерашней битве, – ответила Марианна, не желая замечать его намеренной холодности.

Минуту они молча смотрели друг другу в глаза, и он уступил ее настойчивому взгляду. Его лицо утратило застывшую жесткость последних суток, смягчилось, глаза оттаяли. Он положил ладони на ее плечи и тихо сказал:

– Помоги мне, Моруэнн!

По имени, которым он назвал ее, Марианна поняла, что он просит об очищении. Она прикрыла глаза в знак согласия. Отстранившись от Робина, она развела в камине огонь, сбросила платье. Повернувшись лицом к постели, в которую он уже лег и ждал ее, закрыв глаза, она раскинула руки в стороны, соединила пальцы в магических знаках, преграждающих путь опасностям и тревогам, сказала положенные ритуальные фразы и легла рядом с ним. Второй раз она проводила его через обряд очищения, но этот второй раз не шел ни в какое сравнение с первым. Она забирала и забирала у него боль, а боль не кончалась, даже не уменьшалась, продолжая переливаться в нее губительным отравляющим потоком.

Когда он наконец уснул, она почувствовала себя настолько плохо, что немедленно отправилась в купальню, чтобы очистить саму себя, не дожидаясь утра, потому что была не уверена, что доживет до рассвета. Только когда она омылась водой, смешанной с травяными настоями, ей стало немного легче. Но она еще долго просидела возле очага, не в силах подняться на ноги. Вспоминая, с каким непринужденным весельем Робин вел себя за столом, она вообще не могла понять, как ему удалось продержаться весь праздник с такой бездной боли в душе, а не то что смеяться и даже петь.

Пользуясь тем, что ее никто не видит, Марианна сама наконец оплакала Вилла. Слезы текли и текли из ее глаз, сочились сквозь пальцы, закрывавшие лицо, а сердце изнемогало от горя. Вилл как наяву предстал в ее памяти. Его ироничный веселый голос, его высокий стройный силуэт, его лицо... Лицо, почти всегда отчужденное, иной раз казавшееся враждебным, когда она еще не подозревала об истинных чувствах Вилла. Потом, когда его тайна открылась, сдержанное и бесстрастное, озорное и веселое, но всегда в янтарных глазах светилась неизбывная, окрашенная печалью нежность к ней. И минувшим, последним, днем – искаженное болью, а потом светлое и спокойное, когда Робин бережно прикрыл его полот плаща, прежде чем с помощью Джона опустить брата в могилу.

– Вилл, Вилл! Почему ты ушел? – шептала она. – Ведь ты обещал, прощаясь перед битвой, что вернешься!

Дверь тихо скрипнула, и Марианна, отняв ладони от лица, увидела на пороге купальни мужчину. Сквозь пелену слез ей показалось, что она видит Вилла, словно он пришел на ее зов. Сморгнув и вытерев слезы, она поняла, что ошиблась. Это был Дэнис. Он держал в руке кувшин и молча смотрел на Марианну янтарными глазами Вилла.

– Дэн? Зачем ты пришел сюда?

Дэнис подошел к очагу и опустился на пол напротив Марианны, поставив кувшин между ней и собой.

– Голос крови, наверное, – тихо ответил он. – Отец находил уединение именно здесь, когда ему надо было побыть одному. Правда, не всегда его уединение было полным, и так появилась на свет моя сестра Вильямина. А что ты делаешь здесь в такой поздний час, леди Мэри?

Он повел взглядом в сторону лохани, оставшейся полной воды после купания Марианны, сделал шумный вдох, втянув в себя запах трав, и улыбнулся понимающей невеселой улыбкой:

– Обряд очищения? У крестного было столько боли в душе, что ты поспешила сама избавиться от того, что забрала у него?

Марианна промолчала, и Дэнис протянул ей кувшин:

– Вино легкое, леди Мэри. Тебе от него не станет хуже.

Приняв кувшин, Марианна сделала глоток, чувствуя, как вино на губах смешалось с соленой влагой слез. Не сводя с нее глаз, Дэнис медленно провел ладонью по щеке Марианны, собирая слезы.

– Отец был бы сейчас признателен тебе за каждую из них. Ты ведь плачешь о нем, леди Мэри? – сказал он севшим голосом и нашел в себе силы улыбнуться. – Я никогда не видел Заокраинные земли, но если все, что о них говорили мне отец и крестный, правда, – не плачь. Он сейчас вместе с моей матерью. Они оба долго ждали встречи.

– Мне жаль, Дэнис, что я не знала ее. Возможно, мы бы стали подругами, – тихо ответила Марианна.

Пальцы Дэниса нашли ее руку и сжали запястье Марианны:

– Не сомневаюсь в этом, леди Мэри. Вы с ней очень похожи! Не обликом и не нравом, но силой духа.

Отпив вина, Дэнис посмотрел вглубь огня и печально усмехнулся:

– Они были достойны друг друга – отец и мать. Помню, в день нападения Гисборна на Локсли многие женщины плакали, цепляясь за мужей, пытаясь отговорить их, склонить к бегству. А моя мать не пролила ни единой слезинки. Когда отец взял оружие и приказал ей укрыться в лесу, она благословила его, сказав, что будет молиться о нем и о моем крестном. Отец поцеловал ее и ответил: «Я горжусь тобой, моя супруга Элизабет!» Потом, через много лет, он как-то признался мне, что воспоминание о прощании с ней причиняло ему постоянную боль. «Я должен был сказать твоей матери, что не только горжусь ею, но и люблю ее, люблю всем сердцем!» – так он сказал мне, и теперь, несомненно, повторил ей самой.

Марианна коснулась ладонью лица юноши, впервые увидев в нем черты не только Вилла, но и Элизабет, с которой ей не довелось встретиться, ощутив сплав силы духа отца и матери в сыне, и сказала:

– Они оба сейчас гордятся тобой, Дэнис, тем, с какой выдержкой их сын вел себя сегодня, не позволив себе омрачить праздник.

Дэнис криво усмехнулся и, поцеловав ладонь Марианны, ответил:

– В том не моя заслуга, леди Мэри, а крестного. Если бы не он, не его слова и строгость, в первый миг показавшаяся мне жестокостью, я бы утонул в горе и утопил бы в нем остальных.

Посмотрев Марианне в глаза, Дэнис, не выдержав, склонил голову ей на колени.

– Ах, леди Мэри! Как же я сейчас завидую крестному! У него есть ты. Если бы я повстречал свою Деву, она так же помогла бы мне умерить боль, как ты помогла крестному.

Он потерял щекой, уколол ее сквозь сорочку щетиной, и обжег через ткань жаром невольных скупых слезинок. Положив ладони на голову Дэниса, Марианна поцеловала его в затылок и шепнула:

– Все мое время, мой мальчик. Час встречи с твоей избранницей однажды придет, а пока терпи, Дэн.

Дэнис выпрямился и с грустной усмешкой посмотрел на Марианну:

– Не тревожься обо мне, леди Мэри! Ведь у меня остались крестный и ты.

Они выпили еще по глотку вина, и Дэнис спросил:

– Мне проводить тебя?

Марианна, угадав сердцем, что юноша хочет побыть один, отрицательно покачала головой.

– Нет, Дэн, со мной все хорошо. Твое присутствие вернуло мне силы.

С этими словами она поцеловала Дэниса в щеку, поднялась на ноги и, провожаемая его одновременно и восхищенным, и недоверчивым взглядом, вышла из купальни. Но стоило ей закрыть за собой дверь, как Марианна была вынуждена прижаться спиной к стене, чтобы отдышаться. Как она и сказала Дэнису, силы вернулись к ней, но ровно настолько, чтобы Марианна смогла, держась рукой за стену, дойти от купальни до комнаты, радуясь, что ей никто не повстречался и не обнаружил ее в таком состоянии. Она – леди Шервуда – не может позволить себе быть беспомощной и слабой, так же, как не позволяет себе этого Робин.

Остаток ночи она провела без сна, но утром почувствовала себя почти так же хорошо, как всегда. Пусть у нее и кружилась голова от слабости, главное, что обряд помог Робину, который спал спокойно, не так, как прошлой ночью, когда он стонал и метался по постели, несмотря на все усыпляющие снадобья, которыми она его напоила. Когда он открыл глаза, Марианна улыбнулась ему, но ее бледное лицо выдавало правду.

– Бедная моя! – прошептал Робин, целуя Марианну в лоб. – Я, наверное, почти до смерти тебя отравил!

– Ты же видишь, что нет, – ответила Марианна, лаская его сиянием светлых глаз. – Я здесь, с тобой, и со мной все хорошо.

Несколько дней пролетели в странных событиях. В Шервуде царил покой. Обычная служба дозорных, обычный объезд леса патрулями. А за границами Шервуда бурлили Средние земли, и даже в самых глухих и отдаленных уголках не смолкали разговоры о предстоящем походе на Лондон. И на седьмой день со дня битвы в Шервуд прибыл очередной парламентар – на этот раз от графа Солсбери. Он с поклоном вручил Робину послание и сказал, что должен вернуться с ответом – устным или письменным, не имеет значения.

Робин развернул письмо, прочитал и вдруг просиял улыбкой. Джон, все это время не сводивший тревожных глаз с лорда Шервуда, даже оторопел: со дня гибели Вилла Робин впервые настолько просветлел лицом!

– Такие добрые вести? – осторожно спросил Джон.

– Более чем! – с той же улыбкой ответил Робин.

– Он предлагает от имени короля переговоры? – догадался Джон. – То, о чем ты и говорил?

– Да, и на самых выгодных для нас условиях. Король испугался.

– Может быть, дашь и мне прочитать, о чем пишет граф Солсбери? – не вытерпел Джон.

– Не только тебе одному, – ответил Робин. – Вести, которые прислал граф Уильям, стоят того, чтобы о них узнали все. Объявляй сбор всех стрелков, Джон!

Так и не заполучив письмо, Джон кивнул и вышел из трапезной, созывая к себе стрелков, которых собирался отправить гонцами с призывом на сбор. Робин сделал Марианне незаметный знак и ушел. Выждав несколько минут, она поспешила следом за ним.

Когда она пришла в комнату, Робин сидел за столом, прислонившись затылком к стене и закрыв глаза. Его лицо разительно отличалось от того, каким оно только что было в трапезной. Сдержанное, замкнутое, без самой слабой тени улыбки – снова такое, каким стало со дня битвы на берегу Трента. Письмо лежало перед Робинком на столе, и он, услышав шаги Марианны, подтолкнул его к ней. Она прочитала и медленно опустилась на стул напротив Робина.

– Поэтому ты и не отдал его Джону? – тихо спросила она.

Робин открыл глаза, устало посмотрел на Марианну и молча кивнул.

– Почему ты объявляешь сбор и что скажешь стрелкам, я догадываюсь, – медленно произнесла Марианна, внимательно глядя на Робина, – но что ты собираешься делать сам?

Он глубоко вздохнул и слегка пожал плечами.

– Тебе надо возвращаться, милая, к детям, в Веардрун. Долг перед Фрейей оплачен, и твое дальнейшее пребывание в Шервуде уже ничем не оправдано. Тем более при таких обстоятельствах, – он выразительно указал подбородком на письмо.

– Я не могу оставить Шервуд, – просто ответила Марианна.

– Почему?

– По ряду причин. Во-первых, ты сам сказал: будь что будет, останемся вместе. Во-вторых, я обещала Гвен, что мы вернемся оба – и ты, и я.

По его взгляду она поняла, что он не находит в ее словах действительно веских причин, по которым она должна оставаться в Шервуде. И его слова только подтвердили ее мысли:

– Глупо, Мэри! Брайану де Бэллону нечем оправдаться перед Иоанном за поражение в битве у Трента, кроме как убить меня или захватить в плен. Остаться рядом со мной опаснее, чем разгуливать по Ноттингему в ярмарочный день в зеленой куртке со знаком Шервуда. С меня довольно гибели Вилла. Я не хочу потерять и тебя.

– Но именно так и выйдет, если ты согласишься на то, чтобы я покинула Шервуд, – спокойно ответила Марианна.

– Почему? Ты же прочитала, что граф Уильям выражает отдельную и особую заботу о твоей безопасности. Он сам заберет тебя из убежища, в котором ты укроешься, и даст тебе большую охрану, чтобы ты добралась до Веардруна без малейшей угрозы для себя.

– Да, но сначала ты должен будешь назвать графу Уильяму мое убежище. Сделаешь ли ты это на словах или в письме, у тебя не может быть полной уверенности, что гонца не перехватит Бэллон. И тогда он, а не граф Уильям узнает, где меня надо искать. В лучшем случае он просто убьет меня, в худшем – поступит так, как поступил его дядя Роджер Лончем, и потом убьет. Если, конечно, я еще буду жива, – сказала Марианна, глядя на Робина бесстрастными серебристыми глазами.

Он грустно улыбнулся:

– Шантаж, милая?

– Нет. Ты и сам понимаешь мою правоту. Риск укрыться в убежище и надеяться, что граф Солсбери найдет меня первым, больше риска остаться с тобой. Там я окажусь пленницей в четырех стенах, с тобой я буду на свободе и под твоей защитой. А ты сумеешь меня защитить лучше, чем сотня ратников Солсбери!

Робин смотрел на Марианну и думал о том, что есть самое надежное для нее убежище, которое к тому же находилось не так далеко, – Фледстан. Его охраняли ратники Реджинальда,

и, отправив туда Марианну, не было необходимости и в помощи графа Солсбери. Там уже нашли приют Мартина и Кэтрин, но Марианна добровольно во Фледстан не пойдет.

Не из пустой прихоти Реджинальд покинул Фледстан и перенес свою резиденцию в другой замок, а ради сестры. Когда через год после рождения Гвендолен Робин и Марианна приехали к Реджинальду во Фледстан, Марианна, лишь бросив случайный взгляд на карачульную, потеряла сознание прямо в седле и не расшиблась только потому, что Робин успел подхватить ее. Едва придя в себя и обнаружив, что все еще находится во Фледстане, она снова лишилась чувств. В кратком промежутке между двумя обмороками в ее застывших глазах отразился такой ужас, что Робин немедленно увез Марианну на ближайший постоялый двор, где она еще сутки не могла совладать с собой, справиться с рыданиями и ознобом, который сотрясал ее тело.

Больше она никогда не была во Фледстане. Реджинальд перебрался в Стэйндруп, Фледстан оставался пустым, хотя содержался в порядке и охранялся. Но Марианну не заставить подойти к нему ближе ворот, и то вряд ли. Если только...

– Не поступай так со мной, Робин! – тихо сказала Марианна.

– Как именно, Мэри?

– Ты думаешь, как вынудить меня укрыться во Фледстане, и понимаешь, что я не смогу переломить себя. Конечно, в твоей власти силой опохмить меня маковым соком и переправить во Фледстан, пока я буду спать. Но что со мной будет, когда я проснусь и пойму, где я? Ты не можешь желать для меня провести остаток жизни в безумии!

Даже сейчас по ее лицу пробежала волна холодного ужаса, а в глазах отразилось отчаяние. Не удивившись тому, как точно она угадала его мысли, Робин накрыл ладонями ее пальцы и крепко сжал, прогоняя страх.

– Не бойся, милая. Я не сделаю этого. Мы останемся вместе, как я и обещал тебе.

Марианна улыбнулась бесконечно счастливой улыбкой и на миг прижалась щекой к его рукам, продолжавшим сжимать ее пальцы. Робин рассмеялся и отпустил ее:

– Пора давать ответ гонцу графа Уильяма и самим отправляться на место сбора. Сожги письмо, чтобы оно не попало никому на глаза.

Гонец Солсбери ждал ответа, сидя в трапезной. Увидев лорда Шервуда, он тут же поднялся и вопросительно посмотрел на Робина.

– Ответ будет устным. Запомни его слово в слово, – сказал Робин.

Гонец склонил голову в подтверждение, что исполнит поручение в точности.

– Я принимаю все условия, предложенные графом Уильямом, – продолжил говорить Робин, понизив голос. – За одним исключением: о леди Марианне я позабочусь сам. Передай графу Уильяму мою глубочайшую признательность за хлопоты, о которых он упомянул. Это все.

Джон, подобравшись как можно ближе к Робину, с досадой поморщился: ему не удалось разобрать ни слова из того, что Робин сказал гонцу. Поймав хмурый и настороженный взгляд друга, Робин ответил Джону веселой улыбкой и распорядился проводить гонца до границы Шервуда. Джон отправил с ним пятерых стрелков, а сам поехал вместе с Робинсом на сбор всего вольного леса, решив держаться к другу поближе и не спускать с него глаз. Ему решительно не нравилась скрытность, с которой Робин разговаривал с гонцом. И письмо графа Солсбери он так и не показал.

На поляне, окружавшей дуб, уже собралось вольное воинство, громкими криками приветствующее лорда Шервуда. Робин провел коня между расступавшимися перед ним стрелками и, оставшись в седле, чтобы его могли видеть и слышать все, сказал, повысив голос во всю его мощь:

– Друзья! Победа, которую мы с вами одержали в битве с королевскими ратниками, вынудила короля передать нам через своего брата графа Солсбери предложение о мире. Если

мы сегодня покинем лес, то завтра еще до полудня во всем Ноттингемшире будет объявлено о королевском помиловании всех, кто был со мной в Шервуде.

– Не только победа, но и слухи о том, что мы вот-вот двинемся походом на Лондон! – крикнул один из стрелков под громкий хохот остальных. – Иоанн испугался нас, Робин!

– Да можно ли верить ему? – раздался голос с другой стороны. – Мы покинем Шервуд, а он тут же забудет о помиловании! Это же не покойный король Ричард, а Иоанн!

Робин вскинул руку, и стрелки снова умолкли.

– Ручательством того, что Иоанн не изменит данное обещание, является его брат. Никогда Уильям Лонгспи не взялся бы за выполнение королевского поручения, если бы знал, что оно таит в себе обман. Потому Иоанн и поручил именно ему вступить с нами в переговоры о мире и, если мы примем предложение короля, объявить о помиловании от имени самого Иоанна.

– Какое же решение принял ты, Робин?!

Лорд Шервуда улыбнулся, обвел взглядом свое верное воинство и ответил:

– Мир, друзья! Наша война закончилась, больше сражений не будет. Тот, кто вынудил вступить нас в эту войну, мертв. Сам Иоанн получил урок, и, думаю, он запомнит его! Я благодарен всем вам за то, что вернулись со мной в Шервуд, за то, что не дрогнули под натиском королевских ратников. Сражаться с вами плечом к плечу – большая честь для меня. Но теперь ваша служба окончена. Пора возвращаться домой!

Марианна слушала Робина, не сводя с него глаз, и думала о том, насколько все-таки несокрушим его дух. С каким умением он нашел слова, которые заставили все его воинство в целом и каждого из стрелков в отдельности почувствовать себя победителями, и не просто над Гаем Гисборном, но над самим королем! Марианна знала, что в смерти Гая Робин не усматривал никакой победы, но все стрелки считали иначе, и лорд Шервуда не стал их разочаровывать, а свои мысли предпочел оставить при себе.

– А если мы откажемся от щедрого предложения Иоанна? – спросил Джон, внимательно глядя на Робина.

– Тогда в Ноттингемшир сразу же придут новые войска, командовать которыми Иоанн поручил все тому же Уильяму Лонгспи. Больше не стоит искушать судьбу – это последнее помилование, и тех, кто не воспользуется королевским великодушием, Иоанн будет беспощадно преследовать, пока не убьет каждого.

Стрелки выслушали его в полном молчании, и потом, когда Робин закончил говорить, они еще долго молчали.

– Почему ты отказываешься от нового боя? – наконец подал голос Кенрик. – Потому что граф Солсбери – твой друг?

– Если бы дело касалось меня одного, то я ответил бы тебе – да, Кенрик. Но речь идет обо всех стрелках, и причина в другом. Это будет не битва, а истребление всех нас, до последнего человека. Мы сильно встревожили Иоанна победой, одержанной над его ратниками, которыми командовал Бэллон. И теперь численное превосходство королевского войска будет настолько велико, что они в силах вести сражение до тех пор, пока не погибнет последний из нас. Уильям Лонгспи умен, он не повторит ошибку Брайана де Бэллона и не поведет ратников цепью в лес. Он разделит Шервуд на части по дорогам и будет держать в кольце осады каждую из частей. Мы сможем долго выдерживать осаду, но не бесконечно, и я не вижу в этом смысла. Граф Уильям хочет избежать кровопролития, поскольку он действительно друг мне. Но если мы откажемся, у него не будет выхода: он связан королевским приказом. Что мы найдем в этой войне, я вам уже сказал.

– Значит, мы можем прямо сейчас возвращаться по домам?

– Да, и лучше не мешкать.

– А ты? – и в Робина впились взгляды всех, кто собрался сейчас на поляне.

Он улыбнулся и, прыгнув с коня, ответил:

– И я, конечно.

Успокоенные его ответом, стрелки зашумели, стали переговариваться между собой. Поляна пришла в оживление, к Робину пытался пробраться каждый из стрелков, чтобы обнять своего лорда перед расставанием, пожать ему руку, увериться в новой встрече. Очень нескоро вольное воинство покинуло место сбора, и на поляне остались только те, кто пришел в Шервуд из Веардруна. Джон вопросительно посмотрел на Робина.

– Мы укроемся во Фледстане, – ответил Робин на его безмолвный вопрос. – Когда указ о помиловании будет оглашен, отправимся из Фледстана в Веардрун.

– Да неужели все закончилось, Робин? – не в силах поверить в то, что он скоро обнимет жену и детей, спросил Алан. – Вот так просто: из Шервуда во Фледстан, завтра, ну в крайнем случае послезавтра – в Веардрун, и еще через полтора дня мы будем дома?!

– Ну а ты как бы хотел? – хмыкнул Эдгар. – Совершить сначала паломничество в Святую землю?!

Стрелки расхохотались. Вскочив на коней, они помчались к своим лагерям собирать нехитрые пожитки, условившись встретиться возле Фледстана. Заметив, что Робин и Марианна не торопятся садиться в седла, Джон опять насторожился.

– Я обещал Марианне последнюю прогулку по Шервуду, – ответил Робин. – Веди остальных во Фледстан, а мы с ней приедем туда позже.

– Мы не торопимся, – медленно протянул Джон, не спуская глаз с лорда Шервуда. – Можем вас подождать.

– Ты еще с нами напросись погулять! – рассердилась Марианна. – Кэтти, наверное, выплакала все глаза, не зная, что о тебе думать, а ты, оказывается, к ней не торопишься!

Имя жены подействовала на Джона так, как и ожидала Марианна. Он оживился, начал поторапливать остальных и, потребовав от Робина не затягивать прощальную прогулку, помчался во главе стрелков в лагерь.

– Ты у меня умница, Мэри! – улыбнулся Робин, провожая взглядом друзей. – Я уже отчаялся спровадить его – нашу бдительную няньку!

Марианна рассмеялась и, заметив, что Джон обернулся, весело помахала ему рукой. Когда стрелки скрылись в лесу и они остались вдвоем возле старого дуба, Марианна подошла к Робину и, склонив голову, молча прислонилась лбом к его плечу. Так же молча он обнял ее одной рукой, второй рукой нащупал ее руку, и их пальцы крепко сплелись.

После недавнего гула многочисленных голосов, конского ржания, стука копыт стало особенно тихо. Хотя в лесу еще бурлила жизнь, но казалось, что в Шервуде уже никого не осталось, кроме Робина и Марианны. Даже птичий гомон умолк, и только старый дуб высоко над головами еле слышно шелестел тяжелой листвой. Но нет! Они не остались одни: Марианна почувствовала, как кроме руки Робина ей на плечи легла еще одна рука – почти невесомая, теплая, как ласковый летний ветер, – и едва слышный голос так же ласково напевал на ухо: «Куда? Зачем? Оставайтесь со мной. Здесь вам не грозит никакая опасность! Мои луга, рощи, озера и реки – все это ваше. Оставайтесь! Никто не сможет укрыть вас, сберечь так, как сумею я».

Зачарованная нашептыванием, Марианна услышала тихий смешок Робина:

– Вот так заслушаешься и не заметишь, как уснешь! Нет, добрый дух Шервуда, не удерживай нас. Теперь твои границы открыты всем и каждому.

В ответ раздался разочарованный вздох, за которым последовало воздушное прикосновение то ли губ, то ли ладоней к головам лорда и леди Шервуда, и песнь старого леса умолкла, сменившись щебетанием птиц.

– Куда мы с тобой направимся? – спросила Марианна и, не услышав ответа, подняла голову и посмотрела в глаза Робина.

– В Пограничье, – ответил Робин. – Там проще укрыться на первое время. Потом решим, что делать дальше. В любом случае нам надо до наступления ночи покинуть Шервуд и как можно скорее оказаться за пределами Ноттингемшира.

– Ты думаешь, что Бэллон отважится уже сегодня прочесывать лес? – тревожно спросила Марианна.

– Сегодня вряд ли, но завтра, когда узнает, что Шервуд обезлюдел, не сомневаюсь, – задумчиво сказал Робин.

Чтобы успокоить ее тревогу, Робин улыбнулся, поцеловал Марианну и свистом подзывал лошадей. Поддержав Марианну стремя, Робин вскочил на вороного и окинул взглядом опустевшую поляну, высившийся над головами дуб, яркое небо в просвете листвы.

– Поехали проведаем Вилла, – тихо сказал он. – Джону как раз хватит времени увести всех во Фледстан.

Марианна молча кивнула, они пришпорили лошадей и помчались в направлении березовой рощи, где было кладбище вольного Шервуда. По дороге Марианна попросила Робина остановиться на одной из полей и нарвала охапку цветов. Приехав к роще и оставив лошадей, они медленно пошли вдоль берез и увидели возле могилы Вилла, еще не отмеченной надгробным камнем, Дэниса. Он сидел на траве, склонив голову, и постукивал пальцами по рукояти убранного в ножны меча, словно терпеливо ждал. Услышав шелест травы, Дэнис оглянулся и, не спуская глаз с Робина и Марианны, медленно поднялся на ноги.

– Я знал, что встречу вас здесь, – сказал он, когда они подошли и встали рядом.

Марианна положила цветы в изголовье могилы и, опустившись на колени, дотронулась кончиками пальцев до еще не слежавшихся комьев земли.

– Иди, Дэн, – произнес Робин. – Джон, наверное, устал ждать тебя. А мы немного побудем с Виллом.

– Я предупредил Джона, чтобы он не ждал меня, что я приеду вместе с вами! – ответил Дэнис.

Робин обжег юношу гневным взглядом:

– Делай то, что я тебе приказал! Отправляйся немедленно!

– Нет, – спокойно и твердо заявил Дэнис, выдержав взгляд Робина. – Я оглянулся, увидел, как ты с леди Мэри стоял там, возле дуба, и все понял. Как только ты сказал про Фледстан, я заподозрил неладное: я же знаю, что леди Мэри никогда не ступит даже на подъемный мост Фледстана, не то что зайдет внутрь!

Робин тяжело вздохнул и, посмотрев на могилу брата, невесело усмехнулся:

– Вилл, ты не знаешь, в кого он уродился таким упрямым?

– В вас обоих, – с тихой яростью ответил Дэнис, – и в отца, и в тебя, крестный. Я – такой же Рочестер, как и вы.

– Ну и что мне с тобой делать? – устало спросил Робин.

– Взять меня с собой, – тут же отозвался Дэнис и крепко сжал руку Робина. – Ты ведь дал слово отцу, что позаботишься обо мне!

– И держу его, – ответил Робин, – поэтому и отправил тебя вместе со всеми во Фледстан, где ты будешь в полной безопасности и сможешь вернуться в Веардрун.

– А оставшись с тобой, я подвергну себя опасности, – понимающе усмехнулся Дэнис.

Робин молча повернул к нему голову, и синие глаза лорда Шервуда встретились с янтарными глазами Дэниса.

– Милость короля имеет пределы? И на тебя она не распространяется? – еле слышно спросил Дэнис.

– Да, малыш, – помедлив, ответил Робин, – но только на меня.

– А к леди Мэри имеет личный счет Брайан де Бэллон, – продолжил за него Дэнис, бросив взгляд на Марианну, – и единственное место, в котором она могла бы укрыться от

него вблизи Шервуда, это Фледстан. Но ты пожалел ее и разрешил остаться с тобой. А еще ты только ей одной сказал всю правду. Крестный!

И Дэнис взглянул на Робина с бесконечным укором. Робин молча смотрел на него, и Дэнис уже просительным тоном сказал:

– Крестный, я не буду тебе в тягость!

– Конечно, не будешь, – вздохнул Робин и, отвернувшись от Дэниса, протянул руку Марианне, помогая ей подняться с колен, – потому что я при первой же возможности отправлю тебя в Веардрун!

Дэнис с безмолвной благодарностью порывисто обнял Робина.

– Пора собираться, – сказал Робин, – иначе не успеем покинуть лес до заката.

Бросив прощальные взгляды на могилу Вилла, они втроем пошли к лошадям. Дэнис оставил рыжего Эмбера в другой стороне, и Робину с Марианной пришлось подождать, пока он присоединится к ним.

Старый монастырь встретил их тишиной, которая становилась привычной. Сборы не заняли много времени. Марианна хотела сменить платье на мужскую одежду, но Робин остановил ее.

– Нет, милая, так тебя сразу узнают даже те, кто никогда не видел. Женщину в мужском наряде, с оружием в Средних землях знают только одну – тебя. Поэтому одевайся в одежду, удобную для долгой дороги в седле, но женскую.

Подумав, Марианна остановилась на длинной широкой юбке, не сковывавшей движений, белой рубашке и замшевой куртке. Меч она все равно решила взять, но прикрепить его к седлу, а не к поясу. Пока Марианна переодевалась, Робин и Дэнис поровну поделили на три колчана оставшиеся стрелы, взяли к лукам запас тетивы, наполнили фляги вином и сложили в одну из сумок сыр, сухари и вяленую оленину. Марианна уложила аптечную сумку, собрала несколько смен чистой одежды и мелочи, необходимые в дороге.

Они втроем вышли в трапезную с сумками и наброшенными на плечи плащами, как вдруг снаружи послышался топот копыт. Робин безмолвным жестом остановил Дэниса и Марианну, одновременно указав им укрыться в тени, и, не спуская глаз с дверей, бесшумно вынул из ножен Элбион.

– Приготовился к встрече с друзьями?! – раздался знакомый бас, и могучая фигура Джона заслонила собой дневной свет, заполнив почти целиком дверной проем.

– Ты почему до сих пор еще не уехал?! – в сердцах воскликнул Робин, бросая меч обратно в ножны.

– Как же не уехал? – хмыкнул Джон, заходя в трапезную. – Я не просто уехал, а уже побывал там и вернулся обратно. Да не один. Алан, Мэт и Эдгар ждут снаружи, а Бранда я оставил во Фледстане за старшего.

– И что все это значит?! – рассердился Робин.

– Вот и я хотел тебя спросить о том же! Что все это значит, Робин?

Уперев кулаки в бока, Джон медленным взглядом обвел Марианну, Дэниса и в упор посмотрел на Робина:

– Даже Кэтрин знает от ратников Фледстана, что король помиловал всех, кроме тебя! А ты меня обманул. Стыдись, Робин! Я всегда считал себя твоим другом, таким же, каким был для тебя Вилл. Но, видно, я ошибался. Ему бы ты сказал правду, а от меня предпочел утаить. А ты, Марианна? Тебе было не совестно торопить меня во Фледстан, зная, что вы с Робинсом вовсе не собираетесь вслед за нами? А ты, Дэнис? Решил быть умнее всех? Если сам обо всем догадался, то почему промолчал?

– Довольно упреков, Джон, – ответил Робин.

– Да, довольно, – согласно кивнул Джон. – Я еще в дороге успею высказать тебе все, что у меня накопилось в сердце! Поехали, пока солнце не закатилось!

Он отобрал у Марианны седельные сумки, оставив ей только ту, в которой была аптека, и вышел из трапезной, по-прежнему хмурый. Алан, Эдгар и Мэт, ждавшие верхом на лошадях, пока Джон объяснится с лордом Шервуда, встретили Робина укоризненными взглядами, в ответ на которые он лишь устало махнул рукой.

– Если вам нравится глотать дорожную пыль, не смею мешать.

– Нравится, но только в компании с тобой, – ответил Алан и посмотрел по сторонам: – А где Эллен запропастилась? До сих пор не собралась?

– Эллен? – переспросил Робин, уже вскочив на коня, и обернулся к Джону: – Разве ты не увез ее во Фледстан?

– Ее не было в лагере, когда мы собирались. И во Фледстане ее нет, – растерянно ответил Джон. – Я и не беспокоился о ней, решив, что она приедет позже, с вами, а потом мы так торопились вернуться, что я попросту забыл о ней.

Робин шумно вздохнул и крепко выругался сквозь стиснутые зубы.

– Где ее теперь искать? Хорошо, если она в церкви у отца Тука, – подумал он вслух, но Эдгар отрицательно покрутил головой.

– Отец Тук тоже во Фледстане!

– А день начинался так славно! – вздохнул Робин и, прищипорив коня, погнал его галопом по тропинке, которая вела к дому Эллен.

Но и в доме Эллен не оказалось. Дэнис сбегал внутрь и, показавшись на пороге, покачал головой. Помедлив, Робин решительно спрыгнул с коня.

– Будем ждать? – спросил Джон, последовав его примеру.

– Придется. Не оставлять же ее одну в безлюдном лесу! – ответил Робин.

– А я тебе еще тогда говорил, когда она попросила построить ей этот дом: не дело женщине одной жить в лесной глуши! – проворчал Джон. – Даже неподалеку от нас. Но ты не послушал меня, вечно потакал ей.

Не отвечая на ворчание Джона, Робин велел не расседлывать лошадей, только ослабить подпруги и не оставлять коней на поляне рядом с домом, а отвести их в рощу за ручей. Стрелки зашли в дом и устроились кто где, не зная, сколько им придется ждать.

Солнце почти опустилось за деревья, когда наконец вернулась Эллен. Открыв дверь и увидев столько неожиданных гостей, да еще с такими хмурыми лицами и сердитыми глазами, она слегка оторопела.

– Ты где была? – вместо приветствия спросил ее Робин.

– А что случилось-то? – в ответ спросила Эллен, обводя всех непонимающим, удивленным взглядом.

Когда Робин кратко изложил ей все события дня, Эллен всплеснула руками:

– А я-то не могла понять, куда все подевались! Лес словно вымер! Не сердись, Робин, пожалуйста! Я быстренько соберусь!

– Да куда уже торопиться! – вздохнул Джон, открыв дверь и посмотрев на небо. – Как затянуло тучами! Хоть бы один просвет! В такой темноте сможем ехать только шагом. Лишь лошадей измотаем, а далеко все равно не уедем.

– Хорошо, – помедлив, ответил Робин и оглянулся на друзей: – Ложитесь спать. Нести охрану будем, сменяясь через час. Я первый, потом Алан.

Стрелки быстро поужинали и улеглись прямо на полу, застланном оленьими шкурами. Робин поискал глазами Дэниса, но не нашел. Угадав его беспокойство, Эллен тихо ответила:

– Вышел из дома. Давно уже.

Робин молча кивнул и направился к двери. У порога он оглянулся на Эллен и Марианну, которые все еще сидели за столом, и повторил:

– Ложитесь. Только не снимайте одежду.

– Чего он опасается? – спросила Эллен, когда дверь за Робинот закрылась.

– Брайана де Бэллона, – ответила Марианна.

– Ну, так быстро он в Шервуд забраться не отважится! – уверенно сказала Эллен и сокрушенно покачала головой: – Как все нескладно получилось! Ведь я же днем видела вас, но решила не подходить и не окликать. Думала, что помешаю. И вот из-за меня вы не смогли уехать днем! Это все полнолуние, Мэриан! Когда луна набирает полную силу, она любит играть такие злые шутки!

– Где же ты была, что видела нас и решила, что будешь лишней? – спросила Марианна.

– У Вилла, – пригорюнилась Эллен. – Затосковала я по нему, пошла навестить. А там вы, все трое. Вот и подумала: подожду в сторонке. Что Робин, что Дэнис – оба все дни только что не звенят, как перетянутые струны. Все время на людях, приходится держаться, особенно Робину. А тут наконец-то остались вдали от посторонних глаз, смогут хоть немного погоревать открыто. Все им полегче станет. Вот и ждала, пока вы не ушли, а потом сама засиделась, потеряла счет времени.

Марианна глубоко вздохнула, ничего не ответив. В доме было тепло и душно, и она сняла куртку, положив ее на скамью и оставшись в рубашке и юбке.

– Ах, Вилл! – печально покачивая головой, прошептала Эллен, глядя перед собой невидящими глазами. – Никак не могу поверить, что его больше нет! Так и слышу его голос! Вот вы приехали, без него, а я все жду, что сейчас откроется дверь и он войдет в дом. Раздразнит какой-нибудь шуткой по своему обыкновению, а потом рассмеется, обнимет – и обиды как ни бывало. Никогда не могла устоять перед его смехом! А уж гордый! Скажешь что не по нем – так и полоснет тебя взглядом. Какой колючий нрав – и какая светлая душа! Он мало кого подпускал к себе, но уж если решит открыть свое сердце, то просто дивишься, сколько в нем доброты, великодушия, нежности!

Эллен нащупала руку Марианны и сжала ее:

– Ты знаешь, что он любил тебя? Мне кажется, что он и на Тиль-то женился потому, что она немного на тебя похожа. Такая же светловолосая и ясноглазая.

Марианна, которой приходилось держаться с не меньшей силой духа, чем Робину или Дэнису, сейчас задохнулась от горячего комка, вспухшего в груди.

– А ведь и ты любила его, – вдруг сказала Эллен, пронизательно глядя на Марианну. – Не так, как Робина, но любила.

После этих слов боль стала совсем нестерпимой, и Марианна, подавив гордость, впервые в жизни попросила о пощаде.

– Не надо, Нелли, – сказала она почти беззвучно, одними губами, высвобождая руку, и призналась: – Мне очень больно.

– Прости, Мэриан, – тихо ответила Эллен.

Робин вышел из дома и увидел Дэниса. Юноша сидел, привалившись к стене, сгорбившись и уронив голову на сомкнутые руки, и рыдал – отчаянно, безудержно, стараясь приглушить рыдания. Робин молча сел рядом и обнял Дэниса за плечи. Дэнис затих, медленно повернул к нему голову, и Робин даже в темноте увидел, что лицо Дэниса мокро от слез.

– Сейчас, крестный, – глухо сказал Дэнис и, проведя ладонью по лицу, отвернулся. – Сейчас я возьму себя в руки.

Робин сильнее сжал его плечи.

– Ну что ты, малыш! – сказал он и печально улыбнулся. – От меня можешь не таить ни слез, ни горя.

– Мужчина не должен лить слезы, – твердо ответил Дэнис, и его голос задрожал. – А я все время вижу перед собой отца, и слезы сами текут и текут! Мне так одиноко без него!

– Плачь, пока можешь, – с глубоким вздохом ответил Робин, привлекая юношу к себе. – Придет время, и у тебя не окажется слез, как бы ты их сам ни желал!

Дэнис прижался к его плечу и почувствовал успокоение от надежной силы, исходившей от Робина.

– Крестный, – сказал он не сразу, вспомнив слова Алана об ирландских преданиях, – ведь отец был достойным воином?

Из сжатых губ Робина вылетел отрывистый смешок. Дэнис заглянул в его лицо, но Робин не заметил взгляда. Глаза его были устремлены в даль, пока еще закрытую от взора Дэниса. Даль, в которую ушел Вилл. Дэнис увидел лишь глубокую скорбь на лице Робина.

– Твой отец, Дэнис, был лучшим из тех, кого я знал, – наконец сказал Робин. – Никогда и ни с кем не сравнивай его! Я всем сердцем желаю, чтобы ты походил на него.

– Я сам хочу того же, – эхом отозвался Дэнис и вновь помрачнел, – но я огорчил его, крестный, нарушив данное ему слово!

Робин улыбнулся и ободряюще потрепал Дэниса по руке:

– Вилл не сердился на тебя, малыш. Не печалься. Он понял, что впредь ты крепко подумаешь, прежде чем пообещать что-нибудь. А если пообещаешь, то уже не изменишь своему слову. И ему довелось увидеть сына мужчиной. Поверь, такой дар судьбы получает не каждый!

Дэнис благодарно склонил голову и надолго замолчал.

– Я верю в то, что он сейчас жив, просто ушел в иной мир.

– Так и есть, Дэн, – откликнулся Робин.

– Но мне не легче от этого знания! – с отчаянием воскликнул Дэнис. – И тебе тоже. Почему, крестный?!

– Почему?.. – задумчиво протянул Робин. – Потому что он там, а мы здесь, без него. Не знаю, рассказывал ли он тебе, но после гибели твоей матери Вилл виделся с ней во сне. Элизабет обещала ждать его на лугах Одина. И все равно он тосковал по ней непрестанно, помня о том, что однажды встретит ее вновь, чтобы больше не разлучаться. Но знание не умаляло его тоски. Точно так же оно не помогает и нам.

– Но в этом мире он умер? – настойчиво допытывался Дэнис. – Так ведь, крестный?

– Да, – ответил Робин, – но если тебе будет легче, считай, что он всего лишь ушел. Переход через грань миров длится недолго – нет разницы в том, каким словом его называть.

– Нет! Разница есть! – Дэнис невольно передернул плечами, вспомнив последние минуты отца, и с его губ тихим эхом слетело: – Смерть!.. Я раньше не представлял себе, до чего же она неприглядна! Отец уходил так тяжело, словно она пыталась его, как заправский палач!

– Смерть... – и по губам Робина пробежала задумчивая улыбка. – Ты и сейчас не знаешь, какая она. Ее никто не видит, малыш, кроме тех, за кем она приходит. Мы с тобой видели, как умирают, но лик смерти при этом не открывался ни мне, ни тебе.

– Что теперь будет, крестный? – еле слышно спросил Дэнис. – Ты оставишь меня рядом с собой?

Услышав в его голосе волнение, Робин улыбнулся и потрепал юношу по волосам.

– Дэн, у меня нет сына. Он должен был родиться, но ты помнишь, что случилось тогда? – Робин посмотрел на Дэниса, и тот едва заметно кивнул головой. – Так вот, я люблю тебя, как любил бы родного сына. И Марианна, и Гвендолен тоже любят тебя, хотя ты порой и доводил Гвен до слез.

– Она плакала? – недоверчиво переспросил Дэнис: он никогда не видел слез маленькой, но безмерно гордой Гвендолен.

– О! Кажется, я выдал тебе ее сокровенную тайну! – протянул Робин и рассмеялся.

– Крестный, я сожалею о том, что дразнил Гвен! – горячо сказал Дэнис. – Обещаю, что больше она никогда не прольет из-за меня ни одной слезинки!

Склонив голову на плечо Робина, Дэнис снова надолго умолк. По его тяжелому вздоху Робин понял, что мысли Дэниса вернулись к отцу.

Дверь скрипнула: на пороге появилась Марианна. Подойдя к Робину и Дэнису, она опустилась на траву, поставила рядом три кубка и наполнила их вином из кувшина. В полном молчании они выпили вино в память о Вилле. На усталого Дэниса вино подействовало мгновенно, сильнее любого усыпляющего снадобья, и Робин отослал его спать. Дэнис пытался возражать, но сам почувствовал, что язык еле ворочается во рту, и ушел в дом. Робин и Марианна остались вдвоем.

Стояла теплая ночь. Неподвижный и влажный воздух предвещал перемену погоды к дождю. Марианна обвила руками ноги Робина и прильнула лбом к его коленям. Он медленно обнял ее в ответ и прижался лбом к ее макушке.

– Плохо, милый?

Робин с глубоким вздохом выпустил ее из объятий и потер лицо ладонями.

– Да, – ответил он, не стесняясь открыть перед Марианной сердце. – Такое чувство, словно меня рассекли пополам.

Он посмотрел на Марианну черными в ночной темноте глазами и заставил себя улыбнуться:

– Пойдем спать, мое сердце. Надо хоть немного отдохнуть перед дорогой, да и час уже прошел.

Вернувшись в дом, Робин разбудил Алана. Тот вскочил на ноги, натянул куртку и, заломив руки, со стоном потянулся.

– Час, да? – шепотом спросил он. – Потом разбужу Мэта.

Робин тихо ответил и лег на его место. Марианна, которая прилегла на кровать возле спящей Эллен, встала и подошла к Робину. Он приоткрыл глаза и вопросительно посмотрел на нее.

– Можно рядом с тобой? – шепнула Марианна, опускаясь на пол возле Робина.

Он подвинулся, давая ей место. Она легла, положив голову ему на плечо, и последнее, что почувствовала, – как он набросил на нее полу плаща и обнял.

Ей показалось, что она только что закрыла глаза, как ее вдруг сильно тряхнули за плечо. Мгновенно сев, она обвела дом еще сонным взглядом. Схватив Марианну за плечи, Робин рывком поставил ее на ноги.

– Быстро проснись, Мэри! – сказал он негромко и отрывисто.

– Что случилось?! – услышала Марианна недовольное сонное ворчание Эллен, предупредившей ее вопрос.

Но Марианна уже и сама слышала приближавшийся к дому собачий лай. Все-таки они недооценили охотничий азарт и нетерпение Бэллона взять в плен лорда Шервуда!

Все стрелки уже были на ногах. Дэнис бросился к двери, но Робин успел поймать его:

– Куда?! Прямо в руки Бэллона? Быстро все в окно!

И он распахнул ставни окна, которое было прорублено в стене, противоположной двери.

– Что ты мешкаешь?! – прорычал Джон, хватая Марианну за плечо и толкая в сторону окна, где ее подхватили руки Робина.

– Куртка! – прошептала Марианна. – Я не успела надеть куртку!

– Ты в своем уме, девочка?! Какая еще куртка? – с негодованием воскликнул Джон, вылезая следом за Марианной и подавая руку Эллен. – Если продрогнешь, скажи – одолжу тебе свою!

В несколько мгновений оказавшись возле укрытых в роще лошадей, стрелки вскочили в седла. Эллен, чья лошадь осталась на скотном дворе, примыкавшем к дому, взял к себе за спину Алан. Лай собак становился громче, стали различимы и людские голоса.

– За рощей овраг, слишком обрывистый и глубокий для лошадей. Придется ехать через поляну, – сказал Робин, собирая поводья. – Быстро и осторожно!

Теперь сквозь густую листву были отчетливо видны всполохи факелов. Захлебнувшись лаем, псы перешли на злобный визг. Послышался громкий резкий голос, по которому Марианна узнала Бэллона. Тот отдавал команду окружить дом.

Низко пригнувшись к шее коня, Робин прищипорил Воина. Дом был взят в мерцающий полукруг факелов, но ратники Бэллона не решались приблизиться на расстояние, достигаемое для стрел. Появление всадников со стороны леса стало для них полной неожиданностью. Ратники и псары, удерживавшие собак, разбежались в стороны, едва не угодив под копыта лошадей, промчавшихся мимо них широким галопом. За считанные секунды маленький отряд пересек поляну и скрылся в лесу. Зазвенела тетива, и вслед беглецам понеслись стрелы. Под копытами лошадей бросившихся в погоню ратников затрещали сухие ветки, устилавшие тропинку. В уши настойчиво лез хриплый лай спущенных с поводков собак.

Иноходец Марианны внезапно заржал и на полном скаку грянулся оземь.

– Мэриан!

Робин осадил Воина и, вскинув его на дыбы, огромным прыжком послал к Марианне. Она выбралась из-под бока хрипевшего гнедого, в шею и круп которого вонзилось несколько стрел, и, ухватившись за стремя Робина, в один миг взлетела на спину вороного. Горестное предсмертное ржание иноходца, затихавшее вдаль, ранило Марианну в самое сердце. Столько лет Колчан был для нее не просто конем, а верным другом!

– Не время горевать о лошади, Мэри! – услышала она отрывистый голос Робина.

Он повернул Воина на тропинку, которая вела в самую глушь Шервуда. Внезапно в тучах, плотно застилавших небо, совсем некстати появился просвет, в котором показалась луна. Яркая, огромная, она залила мертвенным белым светом лес, высвечивая все повороты тропинки, каждое дерево. Нечего было и думать о том, чтобы свернуть в заросли и пропустить погоню мимо себя.

Тропинка неминуемо вела к поляне, где высился дуб-великан. Стрелки понукали лошадей, которые и так черными стремительными тенями стелились над землей. Пересекая поляну, всадники стали отчетливо видны для преследователей, и с луков вновь сорвались стрелы. Одна из них пролетела в дюйме от головы Робина, и он услышал приглушенный возглас Марианны, которая тут же прильнула к нему всем телом.

– Что ты, девочка? Стрелы испугалась? – сказал он, успокаивающе сжимая ее руку, вцепившуюся в его пояс. – Держись крепче!

Руки Марианны в ответ с силой обхватили его стан, и Робин почувствовал, как она прижалась щекой к его плечу.

К счастью, они уже были под защитой высоких деревьев, которые сомкнулись за ними сплошной стеной, надежно укрыв от погони. Лай собак начал понемногу отдаляться. Робин на миг осадил Воина и, бросив быстрый взгляд вокруг, скомандовал:

– В ручей!

Кони зарысили по руслу неширокого ручья, перешли из него во второй, потом в третий. Шум погони наконец стих окончательно, но стрелки еще долго кружили по лесу, запутывая следы, словно дикие звери. Наконец по знаку Робина они выбрались на маленькую лужайку и осадили взмыленных лошадей.

– Как хотите, мальчики, но такие скачки уже не для моих лет! – воскликнула Эллен, сползая на землю по гладкому конскому боку.

– Неужели? – поддразнил ее Алан, прыгивая с коня. – Помнится мне, ты не любишь, когда о твоих годах кто-нибудь невзначай упоминает при отце Туке!

– Молчи, безобразник! – шутливо замахнулась на него Эллен.

Спешившиеся стрелки громко расхохотались.

– Мэри? – вдруг услышали они негромкий тревожный оклик Робина, и новый оклик, с ужасом в голосе: – Мэриан!

Марианна прилегла головой на шею Воина, словно так устала, что уснула прямо в седле. Робин протянул к ней руки, дотронулся до нее, и она стала медленно соскальзывать по боку вороного и падать Робину на грудь. Подхватив Марианну, Робин осел вместе с ней на землю. Джон, не мешкая, отыскал смолистую ветку и зажег вместо факела. Неровное пламя выхватило из темноты запрокинутую голову Марианны, побледневшее лицо с закрытыми глазами, бессильно упавшие руки и рубашку, сплошь пропитанную кровью. Под лопаткой Марианны чернело древко стрелы.

– Мэриан! – прошептала Эллен и осенила себя крестным знамением.

– Леди Мэри! – с отчаянием крикнул Дэнис, бросаясь к Марианне.

Джон, стиснув зубы и крепко сжав кулаки, не сводил глаз с Марианны, но видел не ее. Перед его глазами в темноте мелькало ослепительно белое пятно, а он сам словно преобразился в одного из лучников Бэллона и неумолимо направлял стрелу в единственно различимую в темноте цель – белую рубашку Марианны.

– Куртка! – прошептал Джон, не сводя глаз с неподвижного лица Марианны. – Ее куртка! Ох, какой же я болван!

– Мэри, нет, нет! Пожалуйста, не оставляй меня! Милая, радость моя, очнись! – шептал Робин, склонившись над Марианной.

Он растирал ее запястья, осыпал поцелуями лицо, дотрагивался губами до длинных ресниц в надежде, что они оживут, отзовутся на его мольбу легким трепетом. Никогда еще друзья не видели Робина в таком отчаянии, которое он сейчас не заботился скрывать.

Значит, тот возглас, принятый им за испуг, на самом деле вырвался у Марианны, когда стрела ударила ее в спину. И она ничего не сказала ему! Боялась, что они остановятся из-за нее и попадут в руки Бэллона. Робин еще не успел посмотреть, куда именно попала стрела, но по рубашке Марианны уже понял, что она потеряла много, очень много крови. Молчит. Не приходит в себя. Робин закрыл глаза и, собрав воедино всю волю, устремился в сознание Марианны.

Вот она! Он окутал ее своим теплом, словно обнял, вскинул на руки, прижал к сердцу и снова позвал по имени.

Марианна слабо вздохнула и открыла глаза. Увидев склонившегося над ней Робина, она улыбнулась и попыталась привстать, но его руки мгновенно сковали ее так, чтобы она не смогла сделать даже самого легкого движения.

– Лежи спокойно, милая! – предупредил ее Робин, заставив себя улыбнуться, и бросил взгляд на Джона: – Посвети ближе!

Веер шипящих искр приблизился, ярко осветив светлую россыпь волос Марианны и окровавленные руки Робина. Как тяжело давался ей каждый вздох! Она закрыла глаза и утомленно уронила голову Робину на плечо, прижавшись щекой к мягкой замше его куртки. Алан, Эдгар и Мэт заметили, насколько спокойным было ее бледное лицо, и переглянулись с одинаковой тревогой. Слишком хорошо они знали, что означает подобное спокойствие! Резкий свет самодельного факела ударил по глазам Марианны, и она слабо поморщилась. Робин заслонил ладонью от света ее лицо, и Марианна улыбнулась почти беспечно, как ребенок, свято веря в защиту обнимавших ее рук.

Робин осторожно приподнял ее, открывая свету факела спину Марианны. Пробежав взглядом по древку стрелы, он потемнел и лицом, и глазами. Робин молча посмотрел на

Джона и увидел в его глазах подтверждение собственных опасений. Стрела вонзилась слишком глубоко, чтобы извлечь ее из раны, не погубив при этом Марианну. Сделай он это сразу, она бы осталась жива, но не сейчас, когда потеря каждой капли крови означала для нее неизбежную гибель!

Марианна, спрятавшая лицо на груди Робина, слабо пошевелилась и попросила:

– Извлеки стрелу. Мне больно.

Не услышав ответа, она приподняла голову и заглянула в глаза Робина. Черные, как ночной мрак, – когда она видела у него такие глаза и такой неподвижный взгляд? И она вспомнила: в ночь, когда он увез ее из Фледстана в Шервуд. Робин очнулся и, по-прежнему не отвечая, приложил губы к ее виску, потом к щеке и закрыл глаза, прижавшись лбом к ее волосам.

Марианна все поняла. С усилием приподняв руку, она нежно провела кончиками пальцев по его подбородку. Когда-то он ей сказал: «Я не один – у меня есть ты и Вилл». Теперь рядом с ним не останется никого, и взгляд Марианны выразил безмерное сожаление.

– Извлеки, милый, – услышал Робин ее печальный и настойчивый голос, – а потом проводи.

Робин прерывисто вздохнул и в ответ крепче прижал к себе Марианну. Проводить ее... И она уйдет по сияющей дороге, оставив его одного. Он опять увидит прощальный взмах руки – ее милой, нежной руки. Она растворится в ярких лучах, и перед ней распахнутся безбрежные луга Одина, Заокраинные земли, а для него сомкнется глухой стеной черная печаль, которая останется с ним до конца его дней.

«Кто знает, быть может, придет час, когда и ты поступишь так же, как она!» – вдруг зазвучал в его памяти серебристый голос Фрейи. Сердце Робина пронзила безумная надежда. Путь к Фрейе принадлежал к части знаний, в которую посвящали женщин. Но он сможет найти этот путь, пройдет по нему, и, как когда-то Марианну, его не остановит ни одно из желаний Фрейи, каким бы оно ни оказалось! Робин повернул к себе ладонью лицо Марианны и глухо прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.